

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Цыганский медальон
путешествует из рук
в руки уже много лет.

Он меняет судьбы
людей, но ни у кого
не остается
навсегда...

Алина ЕГОРОВА

Медальон сюрреалиста

Артефакт & Детектив

Алина Егорова

Медальон сюрреалиста

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Егорова А.

Медальон сюрреалиста / А. Егорова — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-92207-9

Молодой Сальвадор Дали был уверен в своем превосходстве над людьми, ведь в его жилах текла дворянская кровь. Настоятель монастыря, куда отец отправил Сальвадора для смирения гордыни, подарил юноше старинный медальон, который обладал силой стирать социальные границы. Юноша скептически отнесся к словам священника, но вскоре сам не заметил, как безоглядно влюбился в красавицу цыганку... Как-то Арина показала дворовым приятелям Лене, Рите и Пашке старинный медальон, хранившийся в их семье, и рассказала о его магической силе. Друзья лишь посмеялись над ней, но через много лет Лена, работавшая горничной в доме бизнесмена Меньшикова, с удивлением узнала в невесте хозяйского сына Арину! Угрожая рассказать всем о не самом благородном происхождении старой подружки, Лена выпросила у Арины медальон, надеясь с его помощью устроить свою жизнь. Однако вскоре Лену обнаружили мертвой, а медальон оказался подброшен в вещи Арины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92207-9

© Егорова А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Алина Егорова

Медальон сюрреалиста

© Егорова А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Начало апреля. Тихий дворик на Лиговском

По новым скоростным рельсам прямо го как стрела Лиговского проспекта бесшумно скользили симпатичные трамваи. На отреставрированных фасадах старых зданий, выполненные в виде кованых фонарей, ожерельем висели видеокамеры. Программа «Безопасный город» опутала улицы паутиной проводов, но отнюдь не сделала город безопасным.

В одном из дворов Лиговки прямо перед носом РУВД Центрального района среди бела дня было совершено преступление. Двадцатилетний охранник кафе «Бродяга» Павел Категоров был убит на своем рабочем месте. Труп обнаружила работница кухни Зинаида Лаврова. Она пришла на работу, как и положено, за час до открытия кафе. Днем, до ее прихода, в заведении общепита находились только охранник Категоров, не говорящий волнистый попугай Кеша и безмянные подвальные крысы.

Несмотря на близость к центру города, скрытое в галерее дворов-колодцев кафе «Бродяга» не пользовалось особой популярностью. Оно располагалось на втором этаже двухэтажного здания – бывшей швейной фабрики. Первый этаж пустовал ввиду своего запущенного состояния. Соседние дома относились к жилому фонду и имели такой вид, словно застыли в прошлом веке: обшарпанные, с узкими окнами, кривыми деревянными дверями парадных и надписями на них «Лестница №». Вывеска кафе соответствовала двору: небрежно написанная мелким шрифтом на поржавевшем металлическом листе. Крылечко с продавленными ступенями было под стать общему неухоженному виду.

– Чтоб тебя! Собака лесная! – споткнулся о порог Зайцев. На ногах он устоял, но новая дерматиновая папка с бумагами выскользнула из рук и спланировала напрямиком в лужицу.

– Хреново, – резюмировал он.

Это было второе «хреново», произнесенное Зайцевым за последние полчаса. Первое слетело с его губ после известия о происшествии в кафе.

Андрею Зайцеву, оперативнику из отдела по борьбе с оборотом наркотиков, везло, как утопленнику. Наркодилер, за которым его группа наблюдала в течение долгого времени, погиб в самый неподходящий момент – когда до завершения операции оставалось совсем немного. Зайцеву и его коллегам удалось установить, что продает страждущим наркотики некий Категоров Павел Валентинович, выпускник педагогического лицея, работающий охранником в кафе. Также сыщики засекли факт получения Категоровым партии наркотиков для сбыта. Наркодилера решили пока не трогать, чтобы выйти на след поставщика. И вот в один из вечеров на пульт дежурного поступила информация, что охранника рок-кафе «Бродяга» Павла Категорова обнаружили на рабочем месте с рассеченной головой. Узнав о случившемся, Зайцев рванул на место происшествия, где уже работала оперативная группа.

Войдя внутрь, Зайцев оказался в полумраке. Верхний свет в кафе отсутствовал. Все освещение – лампы над барной стойкой и бра по периметру зала. Несмотря на то что оперативная группа на место прибыла довольно давно, труп еще не увезли, он распластался около одного из столиков. Рядом валялись осколки орудия убийства – бутылки крымского портвейна. На столике стояли два бокала с остатками напитка, вскрытый пакет фисташек, тарелка с шелухой и скомканный глянцевый лист, выданный из какого-то яркого журнала.

– Что-нибудь выяснили? – с надеждой спросил Андрей знакомого оперативника Родиона Осокина.

– Удар пришелся сзади. Эксперт предполагает, что смерть наступила от подмешанного в портвейн яда, а бутылкой по маковке его огрели для пушного эффекта. Так сказать, приложили от души. Отпечатки на бутылке и бокалах есть, но обольщаться не стоит – они, скорее всего, принадлежат Категорову и сотрудникам кафе, имеющим доступ к бару.

– Что на бумажке? – кивнул на скомканный лист Зайцев.

– Ничего не написано, там картинка какая-то. Знатоки говорят, «Пластиковые часы» Сальвадора Дали.

– «Мягкие часы», – поправил Зайцев.

– Точно! Мягкие! – вспомнил Родион. – Что за мода – картинками разбрасываться?! Хотя бы каракулю какую оставили! Любители живописи хреновы!

– Может, это намек, типа: «Ты украл мои лучшие годы!» Убийство явно бабское.

– Точно! Ни дать ни взять – бабское! Портвейн тому подтверждение. Мужики этот лимонад пить не станут. Зуб даю – баба приходила!

– Скорее всего, – вступил в беседу участковый Уваров. Он вернулся с поквартирного обхода жителей двора. – Незадолго до убийства пенсионерка из дома напротив видела, как в «Бродягу» зашла девица. Описала ее одежду, прическу и комплекцию, но вот лица не разглядела, потому что видела ее со спины. На Лиговском камеры наблюдения висят, если девица попала в объективы, можно будет попытаться получить ее фото, а также установить время ее передвижения к кафе и обратно.

– Вряд ли убийца станет светиться перед камерами, – усомнился Зайцев.

– Всякое бывает, – пожал плечами Уваров. – Это мы знаем про видеонаблюдение, а преступник, может, и не знает. Зимой у меня на участке деяти телефоны у прохожих дергали прямо под камерами.

Еще немного потоптавшись в «Бродяге», Андрей собрался уходить, но не успел – его окликнул следователь.

– Заяц! Какого лешего ты тут ошиваешься?! – Черников смотрел недобро. Следователи не любят, когда на месте преступления появляются посторонние.

– Василич! Это же мой клиент, – Андрей скроил добродушное лицо.

– Твой, говоришь? – хитро посмотрел на лейтенанта Кирилл Васильевич. – Тогда завтра жду тебя с подробностями.

«Хреново», – повторил про себя Зайцев. Черников слыл мужиком неплохим, но въедливым и требовательным, никакой халтуры не допускал. Так что работать с Черниковым удовольствия было мало. Загоняет!

В городском видеоархиве оперативники нашли запись, где сначала во двор-колодец на Лиговском вошла девушка, подходящая по описанию свидетельницы Малининой, той самой наблюдательной бабули из дома напротив «Бродяги». Спустя двадцать минут та же девушка вышла на проспект и растворилась в толпе высадившихся из подоспевшего трамвая людей. Время пребывания девушки во дворе-колодце совпадало со временем убийства Категорова.

Темноволосая, одетая в ярко-зеленую куртку, расклешенную юбку глубокого серого цвета, на ногах полусапожки на каблуках, на голове модный в тон юбки берет, украшенный приметной виноградной гроздью. К сожалению, лицо девушки разглядеть не удалось, она то смотрела под ноги, то в телефон, а когда подняла голову, было слишком далеко, чтобы можно было идентифицировать личность. На самом удачном кадре черты оказались смазанными, а яркая косметика минимизировала шансы опознания.

– Не похожа на наркоманку, – констатировал Зайцев, просмотрев видеозапись. – Наркошки одеваются проще, а не как эта фифа.

О своих соображениях по этому поводу лейтенант Зайцев сообщил следователю, когда вместе с Осокиным явился к нему в кабинет.

– Мутное какое-то убийство. Мы этого Категория три месяца пасли, никаких намеков, что его прикончат, не было. Терлись около него какие-то пацаны с района. Ну как пацаны? Гопники дворовые! Придут, дозу получают и отваливают. Мы все ждали, когда поставщик засветится. Они же, собаки лесные, каждый раз товар в новый тайник складывали.

– В день убийства вы Категория не пасли? – спросил Черникин, понимая, что, скорее всего, нет. Круглосуточно наблюдать за каждым мазуриком – никакого личного состава не хватит.

– Нет, потому что Категория на работе наркотой не занимался. Хотя, может, и приторговывал в кафе тихим бесом. Только, сами понимаете, за одним Категориявым непрерывно мы ходить не могли.

Кирилл Васильевич согласно кивнул. Он смотрел на фото, сделанные с видеозаписи камеры на Лиговском. На первом плане была девушка в зеленой куртке.

– Ее вы раньше около Категория видели?

– Нет, не видели. И сразу скажу – не наркоманка она. Наркоманов я на раз определяю, посмотрелся, – повторил Зайцев.

– Может, она ходила к Категория за дозой для кого-нибудь из знакомых?

– Такое бывает. Но если хотите знать мое мнение, то скажу, что тоже нет. Те, у кого близкие наркозависимы, очень несчастны, и лица у них печальные и озабоченные, совсем не карнавальные, как у этой куклы. Размалевываться и наряжаться точно не станут – не до этого. Все-таки это серьезная беда. И денег в обрез, на модное шмотье не хватит – наркота деньги у всей семьи выкачивает. Они понимают, что наркотик – это медленная смерть, и сами за этой смертью идут к наркоторговцу, и не пойти не могут, глядя на ломку близкого. А для просто знакомого за дозой никто не пойдет – слишком рискованное дело.

– Получается, девица к наркотикам отношения не имеет. Тогда за что она убила Категория?

– Любовь-морковь, – предположил Осокин. – Яд в портвейне – чисто бабское убийство.

– Крепко же обиделась девочка, – хмыкнул Черникин.

– Бабе для обиды много не надо, особенно когда у бабы характер взрывной, особенно если у нее южная кровь. Я жил с одной армянкой, у нее характер был – огонь. Чуть что, сразу посуду хватала и швыряла, не глядя. Но зато в постели...

– Родион! – прорычал следователь. – Ближе к делу. По поводу убийства в кафе что-нибудь выяснили?

– В «Бродяге» нашли упаковку крысиного яда. Туда недавно из СЭС приходили, крыс травить. Вот убийце яд под руку и подвернулся.

– Эксперт сказал, что Категория отравили цианидом.

– Может, это не она его? – предположил Зайцев. – Барышня слишком хорошо выглядит, чтобы быть подружкой наркоши.

– Может, и не она. Тогда кто же? Кафе «Бродяга» находится во втором дворе. Выход из него есть только через первый двор на Лиговский проспект.

– И через крышу сарая в соседний двор, – заметил Зайцев.

– Сарай высоковат для того, чтобы перелезть, там два с половиной метра, – возразил Осокин. – К тому же из окон заметят столь странный маневр. Лезть через сарай – только внимание привлечь, а преступнику этого не надо.

– Итак, что мы имеем? – резюмировал следователь.

– В течение того дня, когда убили Категория, во двор с Лиговского заходили лишь местные жители, два бомжа, какая-то старушка прошаркала – тоже, наверное, там живет, эта деваха

в зеленой куртке и сотрудница кафе Лаврова, вызвавшая полицию. Местных жителей проверили, там либо алиби, либо полное отсутствие мотива.

– Я бы бомжей не стал списывать со счетов.

– Никто и не списывает. Только они по времени не подходят. Один бомжик пришел во двор с утра, справить нужду пытался, его жильцы прогнали. Второй нырнул под арку около полудня. Когда вышел со двора, не понятно. На видео этот момент не просматривается.

– Вроде все дыры проверили, никого не нашли.

– Ну да, – усмехнулся следователь, – знаю я, как вы проверяете. В старом фонде их столько и в таких неожиданных местах, что сразу не обнаружишь.

– За день успели только лестницы да чердаки обойти, всякие закутки позже добили. Спасибо участковому – помог. Он там все ходы-выходы знает. Все равно пусто, никаких следов пребывания людей не обнаружили.

Когда оперативники ушли, Черников еще раз перелистал дело Категорова. Найденный возле трупа скомканный лист с изображением «Мягких часов» давал пищу для размышления. Лист оказался вырванным из подарочного издания «Сюрреализм», на нем обнаружили смазанные отпечатки пальцев. Следовало выяснить, какое отношение этот листок имеет к убийству, а пока оставалось строить догадки.

1. Было свидание с просмотром альбома. Внезапная ссора. Листок вырвали, скомкали, швырнули им в одного из участников ссоры. В ответ – яд в портвейн и бутылкой по голове.

2. А может, скомканный лист появился раньше? Может, его оставил кто-то из посетителей, а Категоров нашел?

3. А может, это ложный след, зачем-то оставленный убийцей?

4. Или нить, ведущая к разгадке?

1921 г. Испания

– Доктор Фернандо говорит, что наш сын ненормален. Его место в больнице для душевнобольных. Ты представляешь, Сальвадоре, надо же было такое сказать: наш сын ненормален!

– Слушай большие этого доктора! Он в психиатрии разбирается так же, как дон Луиза – в колумбийских изумрудах, – проворчал хозяин дома.

Филиппа самодовольно улыбнулась – она всегда считала свою соседку дону Луизу плебейкой, и любое подтверждение этому, звучащее из чужих уст, проливалось елеем на ее сердце.

– Не могу не согласиться, Сальвадоре! Луиза изумрудов отродясь в руках не держала, она не способна отличить простую стекляшку от драгоценного камня.

– Донья Филиппа! – кряхтя и шаркая ногами, со своего балкона тут же отозвалась дон Луиза – сухонькая старуха в заплатанном халате. – Я слышала, вы упомянули мое имя.

– Иди отдыхать, донья Луиза! Тебе послышалось.

Соседка не уходила. Она целыми днями маялась от скуки и искала всякий повод, чтобы поговорить.

– У старухи уши к стене приставлены, – понизила голос Филиппа.

– Ваш сын Сальвадор опять громко сморкался на балконе, – пожаловалась соседка. – Он нарочно это делает! Меня подкарауливает и сморкается. Дон Сальвадор! Повлияйте на своего отпрыска наконец, а то я обращусь к дону Каракасу, и он пришлет вам взыскание!

– А вы держитесь подальше от нашего балкона! – вступилась за сына донья Филиппа. Она всегда защищала сына – и когда на него жаловались соседи, и когда сердился отец. – Наш мальчик весьма одарен, гений, если хотите. Гений может иметь свои странности!

– Избаловали вы его, донья Филиппа, теперь оправдываете.

Здесь соседка была права. Весь квартал помнил, как маленький дон Сальвадор устроил истерику на площади из-за закрытой кондитерской лавки. Городовому пришлось просить

лавочника прекратить сиесту и продать для капризного ребенка леденец. Мальчик подросток, «подросли» и его выходки.

– Сегодня он громко сморкается на балконе, завтра будет прилюдно испражняться. Помните мое слово – однажды ваш сын угодит за решетку! – пообещала дон Луиза.

– Типун тебе на язык! – пожелала Филиппа и закрыла оконную раму.

Стоял пыльный июнь. Днем воздух накалялся, как сковорода в аду. В городе с его каменными стенами было еще жарче – ни ветерка, ни деревца, ни возжеленной прохлады моря.

– Открой окно! Дышать нечем! – возмутился муж Филиппы. Он сидел за письменным столом и, как всегда, что-то писал. Что именно писал дон Сальвадор маркиз де Дали, уважаемый в городе нотариус, Филиппа не интересовалась. Ей достаточно было знать, что дела у мужа идут хорошо и семья ни в чем не нуждается. – А сын у нас действительно ведет себя отвратительно! С этим надо что-то делать. Я уже говорил с отцом Кристиано о принятии Сальвадора в монастырь.

– Что?! – опешила Филиппа. – Сальвадоре! Что ты задумал?!

– Что слышала, то и задумал. Решено: я отправлю нашего дьяволенка в монастырь.

– Но ведь его уже выгоняли из монашеской школы!

– Тем более! Сальвадоре должен привыкать к дисциплине.

– Не могу поверить своим ушам! – ахнула мать гения. – Мальчик талантлив, ему надо обучаться живописи, а не служить Всевышнему!

– Думаю, что пара месяцев в монастыре пойдут ему на пользу. И вообще, мне это все надоело! С тех пор как Сальвадор появился на свет, я только и слышу отовсюду, какой он несносный. Весь город знает о странностях нашего сына и о его выпадах. Он боится кузничков... Что за блажь – бояться кузничков?! А его капризы и бесконечные выпады! Он кого угодно допечет! Этому нужно положить конец. Думаю, аскетизм монастыря – это то, что надо. Пусть там рисует свои натюрморты.

Дон Сальвадор сказал, как отрезал. Он шумно задвинул ящик письменного стола и отправился прочь из дома. За годы брака Филиппа хорошо изучила все привычки своего мужа. Сейчас дон Сальвадор напоминал быка на корриде – он был свиреп и решителен, поэтому Филиппа благоразумно не проронила ни слова.

С утра день выдался не слава богу. Перед самым пробуждением Сальвадор увидел один из неприятных повторяющихся в разных вариациях снов. Ему приснилась пристань, на пристани народ, собравшийся в путешествие на большом пароходе. Опустили трап, по нему стали подниматься разодетые дамы с детьми и со своими спутниками, одинокие господа, носильщики с вещами. Сальвадор за посадкой наблюдал со стороны, и вроде бы ему тоже надо было поторопиться на борт, но он почему-то медлил. И вот уже раздался гудок, отдали швартовый, судно стало набирать ход и оказалось в открытом море. «Все, не успел!» – раздраженно подумал Сальвадор. Он ненавидел проигрывать и оставаться в дураках, всегда злился, когда выходило не так, как он хотел. Подобные сны про пароход всегда заканчивались тем, что он каким-то образом оказывался на палубе среди других пассажиров. Тогда Сальвадор успокаивался – все шло правильно, как он привык. Но в этот раз он проснулся прежде, чем увидел себя на борту. Несмотря на то что это был всего лишь сон, юноша очень негодовал, будто бы и в самом деле опоздал на пароход.

Монастырь, в который его отправили, наводил тоску. Единственным развлечением здесь были сон и река. Вопреки монастырским порядкам, спал юноша долго. Отец Кристиано был к новому послушнику чрезвычайно лоялен. На его лояльность повлияли, конечно же, пожертвования дон Сальвадора-старшего. От монастыря требовалось не столько перевоспитание юноши, потому что это не представлялось возможным, сколько хоть какое-нибудь его взросление. Работой ли, беседами, молитвами – чем угодно, лишь бы парень усвоил, что

отрочество закончилось и нужно пересматривать свое поведение. Отец юноши знал, что Сальвадор привык играть на публику, и решил, что отсутствие публики отучит его сына от эпатажных выступлений.

Как и рассчитывал дон Сальвадор, ни с кем из обитателей монастыря юноша не подружился, даже знакомиться не считал нужным. Всё, абсолютно всё монастырское окружение казалось юному Сальвадору не достойным его внимания. Да и кто там мог быть интересным?! Одни убогие, другие туповатые, и все как один плебеи! Ему, сыну аристократа, с такими и дышать одним воздухом зазорно, какое уж тут общение? Из всего окружения, по мнению Дали, ровней был лишь отец Кристиано, но и тот заносчивому юноше казался в некоторых вопросах безнадежно отсталым. Если бы не смертельная скука, то Сальвадор и со священником не стал бы разговаривать, а так отец Кристиано его забавлял. Старик хвалил его картины, хоть ничего в них не смыслил, и еще вдавался в рассуждения, а Сальвадор нарочно изображал черт знает что. Его наброски порой напоминали детские каракули, и понятно, что никакого смысла они содержать не могли. Бывало, что отец Кристиано критиковал Сальвадора, но делал он это очень тонко, с поистине аристократичной деликатностью.

Однажды отец Кристиано заметил:

– На ярмарке в Барселоне я видел, как один молодой художник продавал свои полотна, и люди у него брали их с большим желанием. Картины шли просто нарасхват!

– Что за картины? – ревниво поинтересовался Сальвадор.

– В основном пейзажи. Лес, поля, овраги... Но это не твоя тематика, каждый мастер своего дела.

Слова священника затронули струнки самолюбивой души Сальвадора. Он давно приставил овражек над рекой: сверху луг, пестрящий геранью и клевером, а внизу серебро тихой воды.

– Мастер своего дела тут один! – самоуверенно заявил юноша. С этими словами он взял свой планшет с набросками, карандаши и отправился к оврагу.

Погода хмурилась, серое с просинью небо обещало опрокинуться дождем. В такую погоду идти на пейзажи – все равно что время терять. Времени у Сальвадора была тьма, а еще имелся упрямый характер: раз он что-либо наметил, то его не остановит ничто – ни пожар, ни наводнение и уж тем более ни какой-то дождь.

Придя на место и устроившись над оврагом на бревнышке, Сальвадор посмотрел вдаль, где нависали темно-серые тучи, и понял, что погорячился. Ветер забирался под тонкую рубашку, пронизывая до мурашек. Он и по дороге к оврагу понимал, что погода не подходящая, но его гнали упрямство и юношеская самонадеянность. До монастыря далеко, по-хорошему нужно было брать ноги в руки и искать укрытие. Внизу, у берега, шатром раскинулся старый тополь, от ливня не спасет, но все же лучше, чем совсем ничего. Неуверенно ступая по песчаной насыпи, Сальвадор спустился вниз и устремился под дерево. Громыкнуло. От неожиданности юноша вздрогнул и тотчас услышал звонкий девичий смех. Под тополем, трясая копной черных кудрей, хохотала юная цыганка.

– Замолкни, проклятая! – рассердился Сальвадор. Он не любил бродяг, попрошаек и прочих людей, относящихся к социальному дну. Ему, Сальвадору Фелипе Хасинто и маркизу де Дали, не пристало знаться со всяким сбродом – это ему внушали с раннего детства.

Цыганка перестала хохотать, она смерила юношу надменным взглядом жгучих глаз и отвернулась, что-то бормоча на непонятном диалекте.

Дождь уже хлестал напропалую, потоки воды просачивались сквозь сито густой листвы, и, чтобы не промокнуть, Сальвадор прижался к стволу. С наиболее защищенной от ветра и дождя стороны дерева стояла цыганка. Юный сноб оказался совсем рядом с ней, так, что их отделяла пара сантиметров. Сальвадор чувствовал запах ее немытого тела, слышал

легкое затаенное дыхание. Он презрительно отвернулся от девушки, но не сомневался, что она на него смотрит.

Каким же пристальным и сильным был ее взгляд! Он как плита приколачивал к месту и не позволял даже шелохнуться. Странное чувство охватило Сальвадора. Этот колдовской взгляд вызывал оторопь, ему вдруг пришла мысль, что он так и останется здесь стоять навсегда. От этого сделалось противно: какая-то бродяжка посмела парализовать его волю! И в то же время хотелось, чтобы это странное оцепенение не проходило.

Южные дожди недолги – гроза прошла так же быстро, как и началась. На небе обозначился просвет, последние капли поливали землю бесшумно и стремительно. Цыганка как стрекоза выпорхнула из-под дерева и побежала вдоль оврага прочь.

– Эй, куда ты?! – зачем-то закричал Сальвадор, выйдя из оцепенения.

Девушка уже была далеко. Мелькнув цветастой юбкой, она растворилась в пространстве.

В монастырь Сальвадор вернулся промокиший и злой. Он шел по высокой в каплях траве, проходя мимо деревьев, дергал за ветки, стряхивая на себя воду.

– Теплоход ушел! Из-под носа ушел! – бормотал он.

Было невыносимо обидно от того, что он ничего изменить не мог. Какая-то цыганка посмела заставить его стоять истуканом на месте, а после исчезла, не позволив выместить свое негодование по этому поводу! Так по-свински с ним еще никто не обходился. Всюду тон задавал он и только он; это вокруг него все ходили на цыпочках, это его капризы всегда исполнялись, и это он мог всех заставить плясать под свою дудку.

Но Сальвадор еще не оценил масштабов бедствия. Цыганка завладела его мыслями: ее пестрый образ стоял перед глазами, а высокий смех звенел в ушах. И взгляд, сильный немигающий взгляд гремучей змеи врезался в память и вызывал озноб. Сальвадор не понимал, что с ним происходит, отчего злился еще больше.

Обедать он не стал, за ужином кусок в горло не лез. Грязная, щуплая, некрасивая оборванка даже не собиралась покидать его голову, как он ее оттуда ни гнал.

Сальвадор злился на самого себя за беспомощность. Он привык, что все складывается так, как хочет он, потому что он с рождения умел ловко манипулировать окружающими и всегда делал то, что хотел. Еще будучи ребенком, Сальвадор умел заставить мир крутиться вокруг его персоны, но справиться с собственными мыслями он оказался не в состоянии.

Сальвадор попытался отвлечься – взял карандаши, плотный лист бумаги, вышел на улицу. Думал нарисовать пейзаж: луг, деревья, собранные клином тучи над горизонтом, но после нескольких штрихов обнаружил, что рисует цыганку. Высоко запрокинув голову с засаленными космами, девушка издевательски хохотала. В бешенстве Сальвадор скопал рисунок и швырнул его в сторону. Уже темнело, поднявшийся ветер забирался под свободную рубашку, надувал ее пузырем и щекотал холодными щупальцами крепкое молодое тело. По спине и рукам бежали мурашки, юноша ускорил шаг, направляясь в свою келью.

Спать, спать, спать! За ночь сон прогонит дурные мысли, и наутро от назойливой цыганки в памяти не останется и следа. Сальвадор содрал покрывало со слишком аскетичной для него кровати, разделся и лег. Засыпал он обычно сразу, спал крепко, наслаждаясь яркими необычными снами и долго нежась по утрам в постели. В этот раз заснуть не удалось.

За окном завывал ветер, качая скрипучую ветку старого ясеня. Ветка, как раненая птица, царапалась и билась в стекло; над нею, замутненная тучами, висела луна. Сон не приходил, вместо него появился образ цыганки. Дерзкая и нахальная, она явилась к Сальвадору ночью.

– Уйди, проклятая! – прорывал юноша и запустил в образ ботинком.

Поняв, что не уснет, он поднялся с постели. Отец, когда мучился бессонницей, выпивал бокал крепленого вина. Этого было достаточно, чтобы через пару минут мертвецки уснуть.

Недолго думая, Сальвадор оделся и отправился на монастырскую кухню за выпивкой. В первый день, когда ему показывали монастырь, он увидел в приоткрытой кухонной кладовке несколько бутылок. Кухня находилась в отдельно стоящем покосившемся строении и, вероятно, запиралась на ночь. Запертая дверь юношу ничуть не смущала, он запросто мог забраться через окно.

Прохладная каталонская ночь была доверчива и тиха. Свет в узких монастырских окнах погас, все давно спали, чтобы встать на рассвете. В тусклом свете луны Сальвадор добрался до кухни, толкнул высохшие створки окна, поднялся на руках и, вскарабкавшись на подоконник, исчез во тьме. Искать кладовку пришлось на ощупь. Чертыхаясь и натываясь на углы, он обнаружил то, что искал, – его рука нащупала пару пузатых бутылок. Откупорив одну из них, понюхал горлышко, потом сделал осторожный глоток. Запах сильно напоминал забродившее варенье из персиков, вкус был не то пивным, не то винным. Выпив примерно кружку, Сальвадор отметил, что напиток отдаленно напоминает сангрию. В голову ударил хмель, по телу пробежала приятная теплая волна, захотелось петь. Он тут же затянул в полный голос:

*Siempre que te pregunto,
Que cuando, como y donde
Tu siempre me respondes...¹*

– Ого-го! – крикнул юноша.

– *Quizas, quizas, quizas!*² – раздался тонкий девичий голос.

Сальвадор вмиг протрезвел. Он подлетел к окну и огляделся – никого.

– Что за дьявол! – выругался он, тряся в воздухе пиратской бутылкой. Юноша высунулся из окна по пояс, спьяну не удержался на подоконнике и вывалился наружу. Послышался издевательский смех. Это была она, точно она – вчерашняя цыганка! Или ее призрак? Ведь ее нигде нет, а смех есть. Сальвадор уже был готов поверить во что угодно. Она ведьма, точно ведьма!

Он подобрал с земли уцелевшую бутылку с не до конца вылившимся вином, одним махом допил остатки.

Шатаясь и покачиваясь, как матрос на палубе, Сальвадор шел к себе по наитию. В его голове шумел, разбавленный вином, хрустальный смех, а перед глазами призрачно мелькала пестрая юбка цыганки. Он уже не пытался прогнать этот образ, смирился с ее нахальным вторжением в собственный рассудок и даже поймал себя на мысли, что хочет ее увидеть.

– Сгинь! Сгинь! Сгинь! – злился Сальвадор. Не мог же он признаться даже самому себе, что цыганка ему нравится!

Видение не исчезало. Дерзкая цыганка, словно издеваясь, трясла перед глазами грязными патлами и неистово хохотала.

Как он добрался до своей кельи и в одежде и обуви упал в постель, Сальвадор не помнил.

Несмотря на прекрасную погоду, утром он встал разбитым с противным медным привкусом во рту. Голова трещала, как лед на Сегуре. Воспоминания о событиях вчерашнего вечера имели расплывчатые очертания, словно были написаны маслом на холсте. В центре этого холста, тряся чернявыми кудрями и монисто, неистово плясала цыганка.

¹ Каждый раз, когда я тебя спрашиваю, Сможем ли мы встретиться, Ты отвечаешь мне...

² Может быть, может быть, может быть!

Май. Юнтоловский лесопарк

Аринке везет, она улетает в Испанию. Там, наверное, сейчас теплынь, можно в шлепанцах и шортах по улице ходить, не то что у нас – холод собачий. Днем еще ничего, жить можно, а вечером без куртки не выйти. Май называется! В последние дни, правда, распогодилось.

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – Лена постучала тонким кулачком по сосне. – Но это ненадолго, как пить дать, когда черемуха зацветет, опять начнется холодрыга. Везет же Аринке! Она на море едет, загорать будет, а мне тут пахать. Ишь, за босоножками ей надо! – зло процедила Лена вслух, переставляя ноги в резиновых сапогах по размытой дождем тропинке.

Несмотря на вечерний холодок, в парке вовсю гуляла весна, ее аромат волновал и дурманил. Даже замотанная работой, Лена ощутила, как внутри нее понемногу стала закипать кровь и в горле появился безумно приятный, сладкий привкус. Весна обещала головокружительную любовь, романтическую сказку, восхитительную нежность и немного стыдной страсти. Отсутствие хоть какого-нибудь, даже самого захудалого поклонника не мешало девушке верить в то, что ее личная жизнь вскоре чудесным образом наладится и она заживет счастливо.

Страхнув минутное наваждение, Лена выбралась на сухой участок и бодро зашагала к развилке. «Где-то здесь», – подумала девушка, остановившись под кряжистой рябиной. Она присмотрелась, щуря близорукие глаза, и заметила метрах в двадцати от себя знакомый силуэт. Лена воодушевленно ускорила шаг, торопясь навстречу.

– Откуда он у тебя? И... зачем... здесь? – вместо приветствия удивленно вымолвила Лена.

Откормленный рыжий кот тоже не понимал, зачем его притащили в лесопарк. Он таранил по сторонам огромные апельсинового цвета глаза, выпускал когти, но вырваться из рук не решался – улица его пугала.

Ответа не последовало. Кот был мил. Лена не удержалась и потянула руку к пушистой кошачьей мордочке.

– Хорошенький. Как зовут? У-ти кися...

– Где она?! – Грозный окрик и сердитый взгляд не оставляли сомнений: никаких уси-пуси не будет.

– Я не виновата, так получилось! Я в следующий раз! – вырвалось у Лены. Она привыкла оправдываться.

– В следующий раз?! Я не собираюсь ждать! – Голос свирепый, вот-вот из глаз полетят искры.

– Ты что? – испугалась Лена. Она сжалась в ожидании праведного гнева. Сейчас ее назовут ни на что не способной идиоткой, тупой курицей, безмозглой кретинкой и еще как-нибудь обидно, но, увы, привычно. Потому что у нее, у Елены Земсковой, такая доля. Она девушка из простых, у нее нет богатой родни, чтобы не корячиться на работе, или хотя бы нужных знакомых, которые устроили бы на какое-нибудь теплое местечко. Ей пришлось идти сначала в официантки ночного клуба, затем перебиваться на подхвате в ресторанном дворике, а потом наняться горничной в дом Меньшикова. В ночном клубе, где она работала раньше, нередко собирался всякий сброд. Разгулявшись, клиенты унижали персонал почем зря, но приходилось терпеть. Лена терпела – все-таки работа в ночном клубе казалась лучше работы за прилавком магазина или менеджером на холодных звонках. А больше ее никуда не брали, пока однажды случайно не подвернулось место сначала в ресторанном дворике, а потом в доме Меньшикова. В целом нынешняя работа горничной Лену устраивала, не считая оскорблений жены хозяина, Анны Борисовны. К счастью, Меньшикова к Лене цеплялась не часто, только когда та попадала под горячую руку. К оскорблениям хозяйки Лена привыкла и воспринимала их как издержки своей работы. Да и раньше, бывало, дома мать на нее прикрикивала, так что Лена считала

нападки в свой адрес справедливыми, только в глубине души ей было немного обидно, что она уродилась такой невезучей.

Вопреки ожиданиям, никаких обидных слов не последовало, но девушке отчего-то стало очень страшно. Внезапно обострившееся у нее животное чутье завопило, что надо спасаться. Лена инстинктивно попятилась назад; тело предательски оцепенело и стало неуклюжим. Ноги запнулись о корягу, Лена машинально обернулась, чтобы посмотреть, что ей мешает. Она едва успела заметить краем глаза, как ей в лицо летит серая тень. Тупой сильный удар, щеки запылали от боли. Еще миг – и Лена повалилась назад. Она упала на спину, некрасиво раскинув ноги. Кот испуганно зашипел и рванул в кусты.

– Ненавижу! Всех вас ненавижу! – услышала она над собой злобный голос.

Накануне. Сборы в дорогу

Телефон звонил надрывно и требовательно, его не заглушал даже шум воды. Арина уже вымылась, но выскакивать из душевой кабины и лететь к телефону не собиралась. Судя по мелодии, номер звонившего был не из списка контактов. Подождут, решила она.

Арина любила стоять под душем – только здесь она чувствовала себя спокойно. Несмотря на то что в огромном доме Меншиковых ей выделили две смежных комнаты с санузлом и балконом, Арина не могла чувствовать себя в них комфортно. Она знала, что к ней могут зайти в любой момент кто угодно: Аркадий, его отец Александр Тимофеевич, его мачеха Анна Борисовна и даже прислуга. Она здесь не более чем гостя, невзирая на недавно полученный статус невесты сына хозяина дома. Под душем Арине нравилось думать, строить планы на день или просто отдыхать, не думая ни о чем серьезном. Сейчас нужно было прикинуть, что взять с собой в поездку. Поездка образовалась внезапно, в качестве сюрприза. Как-то серым промозглым утром, сонно поглядывая в телеэкран, где по сочной траве резво гоняли мяч испанцы, Аркаша заметил: а где-то сейчас лето. И тут же решил махнуть в Барселону. Дома его ничего не держало, отцовских денег хватало на любой каприз.

Арину тоже ничего не держало дома, правда, ее финансовое положение было не настолько устойчивым, чтобы путешествовать по Европе, когда заблагорассудится, но раз приглашают, то почему бы и не поехать. Особенно с работодателем, который любую свою прихоть может преподнести как служебную необходимость. Делал Аркаша это нежно, как бы шутя, и в то же время вполне серьезно, тоном, не предполагающим отказа. И как тут откажешь боссу? Командировка есть командировка, чемодан в руки – и вперед.

Положа руку на сердце, предстоящая поездка Арину радовала, не могла не радовать (а кого бы не обрадовала командировка на курорт?). К тому же она давно хотела побывать в Испании. Вдруг удастся съездить в Фигерас, на улицу Santjago la Ricada, 4, по тому самому адресу из медальона, не дающему покоя уже много лет.

Арине часто снился старый дом: трехэтажный, персикового цвета, с мансардой и низкими балконами, в крупных южных цветах. Она не сомневалась, что дом находится на улице Сантьяго ла Рикада в каталонском городе Фигерасе. Она шла к персиковому дому по летним извилистым улицам. Дорогу Арина не знала, шла по наитию, плутая в узких сквозных дворах. Прохожие по пути не встречались, только иногда на балконах стояли домашние хозяйки. Они ее не замечали, словно бы ее и не было вовсе, продолжали вешать белье, поливать пышную растительность балкона или болтать с соседями. В конце пути Арина добиралась до нужного адреса. В доме была всего одна дверь – старая, из разбухшего под осадками дерева, тяжелая и скрипучая. Арина открывала ее и проваливалась в темноту, после чего всегда просыпалась с учащенным сердцебиением.

Чемодан пока стоял несобраным, Арина всегда собиралась в последний момент, загодя лишь намечая список вещей. Туфли есть, нарядные шелковое и крепдешинное платья сойдут

за летние; пара футболок, джинсы, спортивные шорты... А вот за босоножками, пожалуй, придется съездить домой. Или купить новые? Можно приобрести для пляжа сланцы в ближайшем торговом центре – и весь вопрос. Завтра видно будет, решила Арина.

Завтра, «маньяна» – любимое слово испанцев и так нехарактерное для нее, в прошлом спортсменки, кандидата в мастера спорта, привыкшей ставить цели и планомерно к ним двигаться во что бы то ни стало. Спортсменов бывших не бывает, ибо спортсмен – это прежде всего характер, воспитанный тренерами с нежного возраста, и отношение к своему телу как к инструменту для достижения олимпийских высот. Можно потерять форму, гибкость, сноровку, спортивные навыки, можно сменить образ жизни на неспортивный, забыть о тренировках, но характер не поменяется никогда. Уже тринадцать лет как Ариадна Металиди ушла из художественной гимнастики, уже тринадцать лет как она перестала по несколько часов в день отрабатывать элементы, ездить на сборы и с волнением ожидать оценок строгого жюри. Когда-то юная гимнастка Металиди подавала большие надежды, тренеры ей пророчили блестящее спортивное будущее, но из-за нелепой случайности все закончилось в один миг. Все в прошлом. Остались лишь медали, кубки и спортивный характер. Характер упорный и сильный, а это дорогого стоит. Спорт научил ее концентрироваться на главном и не позволять себе никаких «не могу». Все подвластно, все возможно для тех, кто крепок духом. Никаких сомнений и лени – есть план, надо ему следовать. Тогда и только тогда все будет выполнено вовремя и без всяких накладок – это касается как важных дел, так и мелочей. План у нее всегда был в голове, он мог меняться в зависимости от обстоятельств, в нем допускались «белые пятна», как в случае с этими босоножками, но не из-за лени и несобранности, а из-за необходимости работать в команде. Команда в данном случае – Аркадий. (Не случайно тренеры ей всегда говорили, что она – не командный игрок!) Еще неизвестно, когда они с ним завтра поедут за город смотреть строящуюся гостиницу и сколько времени это займет. Гостиница – это ее работа, где Аркадий работодатель и начальник в одном лице.

Работать под началом Аркадия Меньшикова было непросто. Его импульсивный характер и манера действовать по настроению ставили крест на всяком планировании, и Арина никогда не знала, где и когда закончится ее очередной рабочий день. На сегодня у них с Аркадием было намечено знакомство с нужными людьми. Так он назвал поездку в закрытый клуб на вечеринку. Там, по его словам, должен быть важный человек, гуру в мире витража, с которым Арине предстоит сотрудничать. Аркадий так и сказал – человек, будто бы тот был нарисованным или вылепленным из пластилина. Этот гуру приложил руку к интерьеру домов самых влиятельных персон Петербурга. Меньшиков пожелал, чтобы его хоромам уделил внимание модный «человечек». Сам Аркадий с утра уехал по делам, обещал появиться «как только, так сразу». Арина не любила неопределенностей и расплывчатых выражений, но повлиять на ситуацию она не могла – хозяином положения был Аркадий.

Арина вышла из душа, обмотала вокруг сильного точеного тела пушистое полотенце. Без интереса заглянула в телефон. Пять пропущенных вызовов – один неизвестно откуда, остальные Земскулины. «Что ей еще надо?» – возмущенно подумала девушка. Номер Земскули Арина в список контактов не вносила принципиально – незачем. Общаться с ней она не хотела и не собиралась. А вот Лена, наоборот, проявляла завидную настойчивость, словно у них уйма общих интересов. Земскуля – Елена Земскова – ее раздражала. Раздражала своей настырностью, внезапным дружелюбием, мотив которого даже не пыталась скрыть. Или пыталась, но слишком неуклюже.

И надо было Земскуле устроиться на работу именно в этот дом, словно других домов нет! Когда Арина впервые увидела Лену в доме Меньшикова, она ее не узнала. Не ожидала. Земскуля ее тоже не сразу узнала. Арина быстро последовала за Аркадием через холл в гостиную, не задержав взгляда на сметавшей в совок стекла горничной.

– Маман снова не в духе, – иронично прокомментировал разбитый бокал Аркадий. Мачеха была на десяток лет старше его, держалась высокомерно, пытаясь всем, и ему в том числе, показать, что хозяйка в доме – она, а его номер последний. Во всяком случае, после нее. Аркадий понимал, что у отца может быть жен сколько угодно, а наследник – один он, и относился к выпадам мачехи с подчеркнутой снисходительностью.

В этом доме прислуга знала свое место, задавать вопросы и беспардонно соваться в гостиную к Меньшиковым Лена не осмелилась. Она также не стала лезть с разговорами к Арине после «знакомства с родителями», когда Аркадий показывал ей дом, мимоходом представляя обслуживающий персонал.

– Горничная первого этажа, – кивнул он на Лену.

– Елена, Ленуля! – радостно представилась Земскуля, выражая всем своим видом: «Узнаешь? Это же я!!!» Лена рассчитывала, что ее персона для Арины станет сюрпризом. Сюрприз не удался.

– Очень приятно, – сдержанно произнесла Арина.

– Не узнала?! – На следующее утро подкараулила ее в коридоре Земскуля, когда Арина возвращалась с пробежки. Аркадий еще спал.

– Узнала, – равнодушно ответила Арина на ходу.

– Как дела?

– Спасибо, хорошо.

– А я вот тут работаю. Платят нормально, я уже в Хургаду ездила и в Белек! А в августе на Черное море собираюсь, куда-нибудь в Анапу, а может, даже на Кипр! – вывалила разом свои планы горничная. – Вообще здесь прикольно, девчонки нормальные и вообще... Слушай, а ты как тут оказалась? Меньшиков ведь крутой! Кого попало к себе не подпускает, а тебя, значит, подпустил. Везуха! А вообще, ты как? Кого-нибудь из наших видела?

– Не видела! – отрезала Арина и скрылась в комнате Аркадия.

После третьей неудачной попытки Земскуля наконец поняла, что дружбы не получится. Горничная обиделась, но все же отставать не желала, она сменила тон с дружелюбного на деловой.

– А ты нехило устроилась. Медальон помогает?

– Какой медальон? – нахмурилась Арина. Разговор ей не нравился.

– Вот только не надо ля-ля, видела я его у тебя.

– Ты рылась в моих вещах?

– Не рылась, а прибиралась в комнате. Развела грязь! – фыркнула Лена, словно наведение чистоты в доме не было ее обязанностью. – Отдай мне его!

– Что?! – задыхнулась от возмущения Арина. Такой наглости от Земскули она не ожидала. Тихая, бесхребетная Земскуля, или Ленуля, как ее звали в детстве. Это уменьшительно-ласкательное имя подчеркивало ее характер, раньше Ленулю никто не воспринимал всерьез.

– Александр Тимофеевич, наверное, и не догоняет, откуда он у тебя. Меньшиков не потерпит в своем доме...

Лена не успела договорить, Арина схватила ее за запястье и сильно сжала пальцы так, что Земскуля вскрикнула.

– Не смей! Не смей лезть в мою жизнь! – произнесла Арина с ледяной улыбкой. В саду за жидкой ширмой еще не распустившийся сирени они стояли одни, их разговор заглушал фонтан, но Арина знала, что наверняка охрана все видит.

– Я не лезу. Просто я тоже хочу быть как ты! – плаксиво пожаловалась горничная, потирая пострадавшую руку. – Ну отдай мне медальон! Ну что, тебе жалко, что ли? Ты и так в шоколаде! А то все расскажу! – отчаянно пригрозила она, отскочив на безопасное расстояние.

Арина смотрела на Елену с сочувствием. «Глуповатая, бестолковая Земскуля. Ты всегда хотела быть как кто-то. Сначала твоим эталоном была Мальвина, потом девочка из параллель-

ного класса, победившая на школьном конкурсе самодеятельности, в старших классах – голливудская кинодива, а теперь, стало быть, я».

– Как я, ты никогда не станешь, – тихо произнесла ей вслед Арина.

Арина держала в руках медальон. Она носила его на ключах в качестве брелока. Медный, со вставками из полудрагоценных камней – когда-то он служил чьим-то украшением, но, потемнев от времени, утратил привлекательность. Девушка провела пальцами по помутневшим камням – аметисту и топазу. Расставаться с медальоном было немного грустно – все же память. Клочок пожелтевшей бумаги с адресом в Фигерасе она оттуда вытащила – Земскуле о нем знать не обязательно. Сама она давно выучила его наизусть. Santjago la Ricada, 4, – персиковый дом из снов. Тут захочешь – не забудешь.

Но как иначе заткнуть рот Земскуле? Если не отдать ей этот чертов медальон, она будет болтать. Впрочем, если отдать, нет гарантии, что Лена не проболтается. Держать язык за зубами Земскова не умела никогда.

С тех пор как состоялся этот разговор, прошло чуть больше месяца. Получив медальон, Земскова к Арине больше не приставала и не лезла дружить. Как оказалось, до поры до времени.

Аркадий явился поздно вечером, пьяный, в мятой, торчащей из-под куртки рубашке с развязанным шнурком на ботинке.

– Зая... – икнул он и распахнул объятия.

– Иди спать! – отстранилась Арина.

– Отличная идея – идти спать! Щас пойду, только водички попью, – раздеваясь на ходу, он открыл бар, поискал бутылку с водой, ругнулся, запутался в рукаве, икнул. Надавил кнопку вызова горничной.

Появилась Земскуля. Она с любопытством разглядывала смятую постель и сидящего на ней полураздетого Аркадия. Арина отвернулась к окну и терпеливо ждала, уставившись на нарядную клумбу.

– Воды принеси! – скомандовал Аркадий.

Елена исчезла за дверью и уже через две минуты стояла на пороге с литровой бутылкой воды. Она ее открыла и проворно налила в стакан.

Аркадий махом выпил и сразу повалился спать. Горничная не уходила, она сверлила взглядом спину Арины.

– Спасибо, можешь идти, – не выдержала Арина. Она резко повернулась и посмотрела на Лену в упор так, что та вздрогнула.

– Я это... поговорить надо. Дело есть.

– Какое еще дело? – насторожилась Арина.

– В двух словах не объяснить.

– Ты уж постарайся, а нет – так иди!

– Это в твоих интересах, Эсмеральда! – насмешливо произнесла Лена.

– Какая я тебе Эсмеральда? – Арина бросила тревожный взгляд на спящего Аркадия. Земскуля самодовольно улыбнулась: в стан врага внесено смятение, еще немного – и Арина сдастся.

– О'кей. Не нравится Эсмеральда, буду называть тебя Азой или Радой. Рада-Рада-Рада-рай, кого хочешь выбирай! – запела Лена. – Ну че, будет разговор?

Арина молча вышла из комнаты, да так быстро, что Лена за ней едва поспела.

– Что тебе надо? – резко обернулась Арина.

– Возникло одно обстоятельство, связанное с медальоном.

– По-моему, тему медальона мы закрыли!

– Как оказалось, не до конца. Кое-кто знает, как он к тебе попал, и по этому поводу хочет с тобой поговорить.

– Перехочет! У тебя все?

– Как же... он ведь все знает! – растерялась Лена, ее боевой пыл сразу угас.

– Ну и что?

– А то! Ты же не хочешь, чтобы он все рассказал Меньшикову?

– Пусть рассказывает! – разозлилась Арина.

– Ну и дура! Хозяин тебя сразу же за дверь выставит. Ты потом так же классно никогда не устроишься! Медальона у тебя теперь нет, ты его мне отдала, а подарки – назад не отдарки! Так что, Ариночка, такая везуха тебе больше не обломится. Будешь всю жизнь в офисе тухнуть или, как я, тряпкой чужую пыль гонять.

– А тебе какая печаль?

– Я помочь тебе хочу, – голос Земскули потеплел. – Хорошая ты, Аринка, хоть и дура упертая. И не жадная – медальоном поделилась. Он теперь мне послужит, я тоже нехило устроюсь. Ты бы сходила на встречу, а? Что тебе стоит? Этот человек много не попросит. Договоритесь, и все будет о'кей.

– Что за человек и почему ты за него так хлопчешь?

– Этого я сказать не могу, – помялась Земскуля. – Я обещала не называть его имени. Я правда пообещала! Не бойся, он не маньяк какой-нибудь. В общем, решай сама. Меня просили передать – я передала. Но если ты не придешь завтра на условленное место, он обидится, и тогда – берегись! У него и так на тебя зуб заточен.

– Чушь какая! И перестань меня называть идиотскими цыганскими именами! Мы, кажется, договорились.

– Мы-то договорились, я-то перестану, а тот человек...

Лена замолчала. Из холла, как большая красивая каравелла, выплыла старшая горничная Светлана Ивановна. Она любила быть в курсе событий, и как акула чувствует кровь, старшая горничная за версту чуяла чужие секреты. Арину она недолюбливала и не признавала в ней хозяйку.

– Добрый вечер, девушки! – ласково улыбнулась она, поставив на один уровень невесту Аркадия с прислугой.

– Здравствуйте, Светлана Ивановна!

– О своем, о девичьем, щебечете?

– Ага, – кивнула Лена.

– Все верно, все верно, один круг – одни интересы. Пойду, не буду мешать.

Беседа сама собой завершилась, девушки разошлись каждая по своим делам. Но Елена не отставала, через час она подкараулила Арину в саду, у фонтана. Это было наиболее удачное место для переговоров. В доме всюду глаза и уши, во дворе – тоже, лишь фонтан заглушал разговор, а кустарник немного скрывал от наблюдения. Но неподалеку маячил дворецкий. Он был немного глуховат и в отличие от старшей горничной вел себя деликатно.

– В общем, завтра вечером он придет, – прошептала Земскуля, внезапно напав из-за кустов.

– Куда придет? – опешила Арина.

– Сюда. Не в дом, конечно же. Ты же не хочешь, чтобы он пришел в дом и рассказал про тебя Меньшикову? Он будет ждать неподалеку, в парке. Будь готова к десяти вечера. Я тебя к нему провожу.

– У меня на завтра планы. К тому же завтра у меня рабочий день, который обычно заканчивается неизвестно когда.

– Знаю я твою работу! По клубам да ресторанам шляться! В общем, твои проблемы, захочешь – придешь.

– Мне еще в город нужно будет съездить за босоножками, – устало выдохнула Арина. Спорить ей не хотелось.

За кустами послышался звук шагов. Немного шаркая, при этом умудряясь чеканить шаг, приближался дворецкий. Через минуту он появился около фонтана; прошелся туда-сюда, глядя через архаичное пенсне на невесту Аркадия и горничную.

Обе девушки знали, что дворецкий нанят Меньшиковым для того, чтобы следить за обитателями особняка, так что разговор пришлось прекратить. Скроив на лицах приветливые выражения, Арина и Лена разошлись в разные стороны.

Спустя сутки. Встреча в парке

Тихим майским вечером, когда деревья стоят покрытые юной листвой, а воздух пьянит сладковатым запахом запоздалой весны и от него ощущаются прилив сил и приятное волнение, внезапно хочется, чтобы дорога домой была дольше, чем обычно. Выходишь из автобуса раньше на две остановки, около сквера, сворачиваешь с тропинки и неторопливо идешь по сочной траве. Жители больших каменных городов, продолжительное время погруженных в холод, всегда испытывают нехватку общения с природой. Особенно остро она ощущается в конце зимы, но тогда еще греет душу призрачная надежда, что вот-вот наступит март и теплые весенние лучи растопят сугробы. Каждый год повторяется одно и то же: приходит март, скудные весенние лучи, едва просачивающиеся сквозь рваную хмарь низкого неба, совсем не греют, и посеревшие от придорожной пыли снега продолжают лежать до середины апреля. Все жители Северо-Западного региона об этом знают, но в конце февраля всё равно ждут чуда, надеются, что весна начнется первого марта, как обещает календарь, а она по обыкновению наступает не раньше апреля. И это в лучшем случае. А в начале мая непременно выпадает снег.

Михаил Небесов шел по вечернему парку и думал о том, что было бы неплохо предстоящей дивной ночью где-нибудь проболтаться до рассвета. И хоть капитан был уже не в том возрасте, когда ночные прогулки совершенно естественны, в душе он ощущал себя все тем же бесшабашным студентом-первокурсником, каким был пятнадцать лет назад. Это чувство еще не ушедшей юности особенно остро ощущалось весной. Михаил прямо после работы сорвался бы гулять в ночь, но имелись две загвоздки. Во-первых, гулять было не с кем: друзья – кто занят, кто счастливо или не очень счастливо женат, ввиду чего в компаньоны не годятся. Во-вторых, с утра нужно будет снова работать, что, как ни печально, будет уже тяжело.

Мечтам свойственно сбываться, причем в самом неожиданном виде. Когда Небесов, плотно поужинав, собрался лечь спать, тревожно зазвенел телефон. Михаил классическую музыку не любил и, тем не менее, установил на телефон «Нашествие». Эта мелодия стояла только на вызовы с рабочих телефонов и была очень символичной.

– Кого там нелегкая принесла, – пробормотал он, догадываясь, кого она принесла. – Слушаю! – произнес он бодрым голосом, словно только и ждал звонка от майора Рогожина.

– Еще не спишь? Очень хорошо, – раздался не менее бодрый баритон майора. – В Юнтоловский лесопарк съездить надо, там женский труп обнаружили.

– И кто же такой внимательный, кто его обнаружил? – полюбопытствовал Небесов, а про себя добавил: на кого слать проклятия?

– Звонил мужчина, назвался прохожим. Его номер телефона не отобразился.

– Понятно. Сделал доброе дело – сигнализировал в органы. Нам хлопоты, а он плюсик для кармы заработал и слинял. Труп, надеюсь, не криминальный? – ни на что не надеясь, произнес свою обычную фразу Небесов.

– Может, и не криминальный. А может, и того... маньяк поработал. У трупа вся морда исцарапана. Царапины свежие, полученные совсем не от соприкосновения с еловыми ветками. Такие раны можно нанести только целенаправленно, орудия каким-то очень острым предметом. В общем, о чем я толкую? Поезжай, сам все увидишь!

– Типун тебе на язык! – пожелал Михаил, после того как нажал кнопку «отбой». – Сам ты маньяк, майор. Тебя медом не корми, дай только маньяка поймать!

Месяц назад в карельских лесах взяли серийного убийцу, в течение года наводившего страх на жителей ближайших районов. Поимка злодея получила широкую огласку, причастные были вознаграждены и поставлены в пример коллегам из всех регионов. Рогожин, давно мечтавший стать подполковником, воодушевился успехом полицейских из Карелии. Майору непременно захотелось тоже получить поощрение, после которого – кто знает – наконец-таки на его погоны упадут заветные звезды.

Небесов бросил грустный взгляд на уже разложенный диван и побрел одеваться. Теперь ему предстояло остаток чудесного вечера и, скорее всего, часть ночи провести на природе.

Он вышел в хмельной от весны двор, где стояла его капризная тарантайка. С утра она заводиться не пожелала, и Михаил поехал на автобусе. В чем проблемы, капитан знал, только устранять их не торопился. По уму нужно обратиться в автосервис, чтобы там исправили все неполадки, а это выльется в кругленькую сумму. Можно и самому заняться ремонтом, только придется потратить уйму времени и опять же – деньги.

Прикинув, что работа – не то место, куда необходимо ездить на такси, а на автобусах до Юнтоловского лесопарка можно добираться очень долго, за что начальство не похвалит, Небесов открыл капот тарантайки. После некоторых шаманских действий и уговоров «четырка» нехотя завелась.

По мере приближения к лесопарку весеннее настроение оперативника улетучивалось – все-таки смерть способна развеять даже самое возвышенное состояние души. Прибыл в Юнтоловский лесопарк Михаил в весьма будничном, немного озабоченном расположении духа. Ночка предстояла нелегкая.

У следователя Тихомирова была примета: если в пятницу, когда он уезжал с работы, дверца его автомобиля закрывалась не с первого раза, значит, рабочая неделя для него еще не закончена. Дверца была капризной и исправно оправдывала пятничную примету. Не то чтобы «Ситроен» следователя дышал на ладан, автомобиль имел вполне приличное состояние и за все три года ни разу не ломался. Илья Сергеевич придумал своеобразный ритуал: покидая работу в конце недели, он от души хлопал дверцей автомобиля. Этот хлопок для него был сродни звуку гонга на рисовых плантациях, заводскому гудку или же пронзительно верещащему звонку, который в его детстве раздавался перед закрытием магазина и оповещал, что кассы больше не работают. Кроме того, по пятницам Тихомиров посещал бассейн, где непременно прыгал с бортика, с макушкой погружаясь под воду. Он выныривал из воды как Иванушка в сказке о Коньке-Горбунке – другим человеком: не утомленным следователем с напряженным от забот лицом, а улыбчивым тридцатилетним мужчиной, настроенным на выходные. Прыжок в воду был вторым ритуалом Ильи Сергеевича. Но если проявляла себя примета с дверцей, смывай с себя рабочие думы, не смывай, все равно до понедельника начальство дернет.

Волшебным майским вечером свежий после плавания, сытый домашним ужином, заботливо приготовленным любимой женой, Илья Сергеевич в ожидании футбольного матча блаженно вытянул ноги на диване перед телевизором. Футболом он не особо увлекался: чего им увлекаться, когда наши играть не умеют? Смотреть на них – одно расстройство. Уж лучше созерцать прекрасное – фигурное катание, синхронное плавание или художественную гимнастику. Но для знаковых матчей следователь делал исключение.

– Чтоб ты был жив-здоров! – пожелал Тихомиров хриплому голосу барда, стоящего у него в качестве рингтона на рабочие вызовы. – Слушаю! – прорычал он с напускной суровостью, словно стараясь отпугнуть наклеивающуюся работу. Следователь еще надеялся посмотреть футбол.

На сороковой минуте испанский нападающий виртуозно обошел защиту российской сборной и забил красивый гол, зрители на трибунах «Эль-Молинон» радостно завопили, заглушая разочарованный свист, доносящийся из гостевого сектора. Но Тихомиров не увидел, как растерянно топчется в воротах наш голкипер, потому что в это время он уже подъезжал к Юнтоловскому лесопарку, где его ждал фронт работы – труп неизвестной молодой женщины.

Еще издали он заметил припаркованные автомобили своих коллег. Подъехал, остановился за «пыжиком» эксперта Малахова, вышел и пошлепал в глубь парка, где маячили людские силуэты.

– Здорово, Сергеич! – подкрался к нему из-за лиственницы Небесов. Михаил оставил свою тарантайку около дальнего северного въезда и уже успел пешком отмотать треть лесопарка.

– Давно здесь? – Следователь оценил забрызганные грязью джинсы капитана. – Что там слышно? – кивнул он в сторону места происшествия.

– Кто его знает, – пожал плечами оперативник. – Рогожин сказал, что маньяк орудует.

– Что он несет? Маньяков нам еще не хватало!

За всю свою пятнадцатилетнюю службу Илья Сергеевич ни разу не сталкивался с маньяком. И не хотел! В отличие от майора Рогожина ему, старшему следователю прокуратуры, серийный убийца сулил массу хлопот.

– За что купил, за то и продаю, – бесхитростно улыбнулся Небесов. – Место для промысла маньяка подходящее. Прямо-таки изумительное место: лес, и в то же время за город ехать не надо – сделал дело, перешел дорогу, а там – жилые дома, стройка, завод, рынок, метро – что еще надо, чтобы незаметно уйти?

– Ладно, будем поглядеть, – угрюмо произнес Илья Сергеевич, ускоряя шаг.

А поглядеть было на что. Когда они вышли на обнесенную сигнальной лентой лужайку, там всю кипела работа. Малахов коршуном завис над трупом, то и дело отгоняя сотрудников, как ему казалось, жаждущих затоптать и смазать потенциальные улики.

– Алексей, что тут у тебя? – полюбопытствовал Тихомиров. Он подошел ближе и отпрянул. – Епишкина мышь! – вырвалось у следователя.

Светлокожая шатенка с мелкими, как у немецкой куклы, чертами лица лежала в траве, высоко запрокинув голову. Ее лицо от высокого лба до острого подбородка было исполосовано ярко-красными царапинами.

– Это кто же тебе, барышня, глаза пытался выдрать?

– О ветки поцарапалась, – ответил за барышню Небесов.

– Бабы подрались, косметичку не поделили, – цинично заметил подоспевший опер Барсиков.

– Кто о чем, а Антон о бабах. Вы что, кошек не видели?! Кошки так царапают, – пояснил эксперт. – Уж кому, как не вам, Антон Евгеньевич, это должно быть хорошо известно. С вашей-то фамилией...

Послышались смешки. Барсиков бросил на коллег презрительный взгляд и принял независимый вид. Он ничуть не обиделся – чего обижаться на убогих? Юмористы хреновы! Очень смешно! А главное, свежо! Утомили уже своим «Барсиком», ничего другого придумать не могут!

Вопреки своей фамилии, а возможно, как раз из-за нее, кошек Антон не любил. На дух их не переносил! За очаровательной внешностью у этих животных скрывается омерзительнейший характер. Наглые, независимые твари! Им делаешь добро – кормишь их, ухаживаешь за ними, а они тебя ни во что не ставят: на запреты не реагируют, точат когти о мебель и обои, лежат на обеденном столе, еще шипят и царапаются, если попытаешься их погладить в неподходящее время.

Предки Антона много лет носили благородную фамилию Барсуковы, пока в свидетельстве о рождении деда Ивана какая-то рассеянная работница сельского загса не допустила ошибку. Она была родом из Латвии и по привычке написала букву «у» латиницей. В результате Иван Барсуков стал Иваном Барсиковым. Чтобы внести исправление в документ, матери новорожденного требовалось пройти несколько бюрократических процедур. В тяжелые военные годы, когда родился дед Антона, было не до хождения по кабинетам. Она трудилась в тылу, муж воевал; надо было идти на завод – наличие младенца не освобождало от работы, а не заниматься ерундой. Такие вещи, как не та буква в метрике, выглядели прихотью. А потом, когда закончилась война и с радостной вестью о победе пришла похоронка, матери уже стало не важно, какую фамилию носит ее сын – Барсиков или Барсуков. Сама она фамилию не меняла и оставалась Александровой.

Всего этого Антон Барсиков своим коллегам не рассказывал. Да и чего им рассказывать?! Разве этих черствых циников чем-нибудь проймешь?! К бабке не ходи, новую хохму сочинят и будут ржать.

– Ничего себе киса! – изумился Михаил. – Как пантера, задрала насмерть!

– Предположительно смерть наступила от потери крови. Погибшая упала на сучок, он вошел ей в шею и повредил артерию, – пробубнил Малахов.

– Вот я и говорю – кошечки пошли!

– Кошка в лесопарке? – усомнился Тихомиров. – Алексей, ты ничего не путаешь? До ближайших домов не меньше километра. Уличные кошки в парке жить не станут, питаться здесь нечем, уличные около помоек водятся, а домашние – тем более сюда не забредут.

– Может, ее тут выгуливали и она сбежала, – предположил Небесов.

– Выгуливали?! Кошку?! В лесопарке?! Ну-ну, – в голосе Ильи Сергеевича сквозило разочарование. Он сразу понял, что у капитана нет и никогда не было пушистого питомца, что в сложившихся обстоятельствах было явным минусом. Плох тот работник, который не разбирается в теме, в данном случае в кошках. – Здесь даже с собаками не гуляют, ни одного собачника не видно.

– Это от того, что выгул собак в парке запрещен – при входе написано! А про кошек там ничего не сказано, вот и выгуливают их тут все, – продолжал гнуть свою линию Михаил.

– Ни разу не видел, чтобы кошек вообще выгуливали! – разозлился Тихомиров. У него самого дома жил откормленный британец Себастьян. Кот нос на улицу не высовывал, даже на балкон не выходил, чтобы не повредить нежность бархатных лапок на твердом бетоне. Или же Себастьян беспокоился, чтобы его там не оставили, предпочитал гулять на коврах и диванах. Следователь отлично помнил, как однажды пытался показать Себастьяну улицу. Посадил его в переноску и вынес во двор на лужайку. Кот всю прогулку просидел в переноске, а когда его вернули домой, осмелел и устроил концерт, дав понять хозяину, чтобы тот больше так не делал.

– Может, барышне наружность подпортили в другом месте, а здесь её кто-нибудь затылком о сучок приложил? – задумчиво произнес Тихомиров.

– Или сама упала! – вставил Барсиков.

– Экспертиза покажет. Царапины свежие, к тому же на трупе обнаружена кошачья шерсть, на траве поодаль найдена такая же. Вот, полюбуйтесь! – Малахов предъявил целлофановый пакетик с рыжим пухом.

– Несчастный случай, – заключил Небесов. – Животные под кодекс не попадают.

– В отличие от их хозяев, – возразил следователь.

– А вот не факт. Сколько народу бойцовские псы перегрызли, а с их владельцев всё как с гуся вода. Мало кто из них получил реальный срок, все всегда отделялись административными взысканиями или вовсе отмазывались. А здесь кошка. Кто же за кошку судить станет? Это же цирк на палке! – не сдавался Небесов.

– Вот именно – кошка! Слабое животное, небольшого размера. Причиной смерти кошка быть не может. Вывод: девушка споткнулась, неудачно упала. Налицо несчастный случай, – поддержал коллегу Барсиков.

– Причиной смерти может послужить и аквариумная рыбка, и хомячок, и даже бабочка. Все зависит от обстоятельств, – философски заметил Малахов.

* * *

Погибшая Елена Степановна Земскова двадцати пяти лет жила довольно далеко от Юнтоловского лесопарка – в противоположной стороне города, на улице Чекистов, там она снимала комнату, а зарегистрирована была и того дальше – в городе Лодейное Поле Ленинградской области. Земскова никаких животных не держала – квартирная хозяйка их не жаловала, да и некогда было за ними ухаживать. Елена работала горничной в доме бизнесмена Александра Тимофеевича Меньшикова. Это стало известно из записей в телефоне погибшей – «работа», «дом Л. Поле», «дом на Чекистов» – и в результате проделанной оперативной работы.

По словам хозяйки квартиры Ксении Андреевны Москалевой, у которой снимала комнату Земскова, Елена была девушкой аккуратной и тихой, что ей нравилось, но это и настораживало, ведь в тихом омуте черти водятся.

– И я не ошиблась! Баба Ксения никогда не ошибается! – самодовольно похвалилась женщина. – Моя жиличка все время скромницей прикидывалась, как монашка выглядела: ни тебе пудры, ни помады. Волосики в хвостик соберет, кофтенку серенькую, брючки невзрачные напялит и пошла. Словно не девка молодая, а старушенция. Никитична, соседка моя, на девятом десятке и то лучше одевается. А однажды гляжу – приматренилась! Вырядилась во все яркое, короткое, на ногах каблучища: цок-цок-цок по коридору. Они-то ее и выдали! Я спросонья не разобрала, что это Ленка. Хотела ее заругать за то, что в гости шалав всяких водить стала. А потом пригляделась – едрить твою колдырить! Это же моя жиличка! Я дара речи лишилась и ничего ей не сказала. А она мне: «Здрате, баба Ксения» – и нырк за дверь.

– Когда это было, помните? – допытывался оперуполномоченный.

– Да когда... – задумалась Ксения Андреевна. Было видно, что, несмотря на свой преклонный возраст, даме не хотелось выглядеть старухой с дырявой памятью. – Это было где-то месяц назад, кажись, пятого числа. Накануне как раз у моей племянницы день рождения был, я ее поздравляла.

– А времени сколько было?

– Я на часы не поглядела. Около двух, наверное. Обычно я ложусь после обеда и сплю до пяти. Сон у меня чуткий, вот от стука Ленкиных каблучков я и проснулась.

В комнате, которую снимала погибшая, оперативников ждало разочарование. Оборотившая Ксения Андреевна уже собрала вещи Елены и сделала уборку. Подготовилась к вселению новых жильцов, догадался Барсиков.

– Это Земсковой? – кивнул капитан на два больших пластиковых пакета в углу.

– Ее, – недовольно выдохнула женщина. – Кто забирать будет? Ленкина мать приехать сразу не сможет, у нее похороны, ей не до вещей. Она мне так и сказала, когда звонила. Я все понимаю, сама мужа хоронила. По ритуальным конторам набегаешься, да еще поминки справлять надо, чтобы перед людьми не стыдно было. Но и меня поймите: у меня здесь не склад, я вещи долго хранить не могу. Ко мне завтра заселяться придут, а что я им скажу? Пусть у вас чужое барахло полежит? Едрить твою колдырить! Так ведь не годится!

– Не годится, – недобро согласился Антон. Бабка ему совсем не нравилась. Мало того что она уничтожила возможные улики, да еще от вещей квартиросъемщицы норовит поскорее избавиться. – Вы подходящий налог с аренды платите? – рыкнул Барсиков.

– А как же! – злорадно воскликнула Ксения Андреевна, словно только и ждала этого вопроса. Она ловко вытащила лежащие наготове бумаги и сунула их оперативнику. – Все тютелька в тютельку, каждая квитанция на месте!

Барсиков равнодушно пролистал «бухгалтерию», отметил про себя, что Земскова проживала у бабки в течение года. А раньше где она обитала, спрашивается? Это нужно будет выяснить, вдруг что интересное обнаружится.

– Насколько я вижу из документов, Земскова оплатила проживание до конца месяца, а сейчас еще и половины не прошло. А вы новых жильцов на ее место приглашаете, вещи ее вот собрали. Нехорошо.

– Она же преставилась. Царствие ей небесное! – Голос Ксении Андреевны смягчился, в нем появились нотки заискивания. – А вещички собрала, чтобы родне удобнее было. Приедут за вещами, а они наготове!

– Вот что, – строго произнес Барсиков, – вещи мы сейчас осмотрим, а вы больше к ним не прикасайтесь!

Антон с коллегами высыпал на пол содержимое пакетов. В пакетах оказалась в основном одежда да обувь. Все потрепанное, растянутое, в катышках, низкого качества. Фасоны простенькие и безвкусные – в целом, вещи, называемые в народе ширпотребом. Ни ноутбука, ни записной книжки среди вещей Земсковой найти не удалось.

– Здесь пусто, значит, надо искать там, где Земскова работала, – в особняке Меньшикова, – прокомментировал Барсиков, спускаясь по лестнице «гостеприимного» дома Ксении Андреевны. – Найденный при Земсковой телефон совсем простой, с такого в Интернет не выйдешь. Значит, должно быть какое-то устройство среди ее вещей, при помощи которого она общалась в виртуальном мире. Там же должны быть ее контакты и записи. По ним можно будет кое-что выяснить о ее круге общения.

– Ясен красен! Сейчас у всех какой-нибудь девайс есть, даже у моей бабушки! И у этой Земсковой был. Только чего мы сразу в этот особняк не пошли? Ясен красен, что там должны быть вещи Земсковой!

– Не мельтеши, лейтенант! – назидательно сказал Антон своему молодому коллеге, выделенному ему начальством в помощь. – Особняк на очереди, но туда надо идти подготовленными, а не с наскока. Нынче владельцы особняков нервные пошли, чуть что – адвокатов подключают. Небесов по горячим следам туда сунулся, так его дальше ворот не пустили: частная собственность, оснований для допросов и обысков нет. Это Москалеву можно на арапа брать, а к Меньшикову на кривой козе не подъедешь.

– Сергеич! Как бы этого Меньшикова за жабры ухватить? Его особняк находится рядом с Юнтоловским лесопарком, где нашли Земскову. Она там работала, недалеко от работы и погибла. Ежу понятно, откуда ноги растут! Убийца либо в особняке, либо рядом ошивается. В любом случае, там должны быть вещи Елены, опять же коллеги могут что-то знать. – Барсиков решил больше не откладывать визит в особняк, без этого дело сильно буксовало. После посещения квартиры Москалевой он явился к следователю, с которым, помимо служебных, их связывали еще и приятельские отношения.

– Знать-то они, может, и знают, только вряд ли что-нибудь расскажут. Персоналу в таких местах, как этот особняк, болтать возбраняется.

– Это оттого, что они работу потерять боятся, но если на кон встанет их свобода, заговорят как миленькие. Вряд ли Меньшиков бросится защищать своих работников.

– Здесь ты прав. Этот защищать не станет, Меньшиков сам выбрался из социальных низов, поэтому к низам относится презрительно. Подспудно опасается вернуться к своему прежнему уровню. Ему удобнее заменить весь штат прислуги, чем разбираться, кто прав, кто виноват.

– А ты что, его знаешь? – удивился Барсиков.

– Знакомый типчик, – вздохнул Тихомиров. – Бывший наперсточник Шурик Меньшов, а нынче президент корпорации «Империя» Александр Тимофеевич Меньшиков питает слабость к благородным корням. Он и фамилию сменил, и дворянский титул себе купил. Его жена Анна Меньшикова, в девичестве Ханума Башоратовна Иванская, ему под стать: убедила мужа, что ее бабушка из знатного дворянского рода Иванских, которому принадлежала Ивановская губерния. Она бы хоть поинтересовалась историей деревни Ивань, прежде чем врать! Но Хася есть Хася – привыкла брать нахрапом и давить темпераментом, – усмехнулся Илья Сергеевич. – Представлялась она всем не Ханумой, а Ханной – на европейский лад. Какой там знатный дворянский род?! По происхождению наполовину таджичка, наполовину неизвестно кто – ее мать Мамлакат любила менять кавалеров, от одного из которых Ханума и унаследовала фамилию. Хася сюда приехала из Казани. Раньше торговала пивом в ларьке у Витебского вокзала, ее все Хасей-Наливай звали. Помогала реализовывать краденые мобильники и прочую мелочь. Сама Хася краденое в руки не брала, только покупателей искала, поэтому зацепить ее было трудно. Но теперь-то она никакая не Хася и даже не Ханна, а Анна Борисовна, хозяйка дома и, как она себя называет, княгиня Меньшикова.

– Иванская у тебя по делу проходила?

– Нет, слава богу, не у меня. Говорят, бабенка с гонором, как и большинство тех, кто из грязи в князи. Разодета, расфуфырена, в ушах бриллианты, на физиономии перманентный макияж, а воспитание и манеры отсутствуют. Воспитание в бутике не продается, его вместе с модной сумочкой не купишь, какие деньги ни заплати. Характерный говор и жаргон у Иванской присутствуют – как же без них? И тяга к пиву осталась – Хася пиво всегда уважала, по-прежнему хлещет его литрами. Пиво, я тебе скажу, – отличный маркер. Ни одна леди не станет прилюдно пить пиво, ибо это моветон. Пиво – напиток грубых мужчин и простых женщин.

– А как же иностранки? В Англии вообще пиво пьют все – и мужики, и дамы, – не согласился Антон. Он сам любил посидеть за кружечкой, да не один, а в компании, где бывали и барышни. Своих собутыльниц Антон простыми считать не хотел. Простыми – в том неприятном смысле, который вкладывал в это понятие следователь.

– А ты видел тех дам? В Англии тоже не все сплошь благородных кровей. Дамы бомонда пиво пить не станут, на светском рауте никому и в голову не придет им его предложить. Только настоящего бомонда, а не так называемого, состоящего из нуворишей и селебрити.

Барсиков не нашел, что возразить. Он был очень далек от высшего света и не имел представления о тамошних правилах, но сдавать свои позиции не хотел.

– Я всегда считал, что девушки из Средней Азии скромные и тихие. У нас в классе была такая – Зульфия. Слово поперек никому не смела сказать.

– Ты с Хасей еще познакомишься, увидишь, какими «скромными» бывают девушки из Средней Азии! – пообещал следователь. – Хася – особа с амбициями и истеричная, что делает ее невозможной в плане работы. Ум присутствует, но поверхностный, направленный на наживу и приспособление, на перспективу он у нее не работает. Так что Хася сдуру может нам сильно помешать. Встанет в позу или выкинет какой-нибудь фортель. С ней построже надо, сразу на место ставить, ибо сущность у нее осталась холопской, несмотря на внешний лоск. Меньшиков, напротив, мужик деловой, на рожон не полезет и наперед все просчитает. В общем, с ним договориться можно. Он тоже не без гонора, склонен ломаться, чтобы продемонстрировать свое исключительное положение, но у меня на него из прошлой жизни кое-что имеется. Пустячок, конечно, за это его не закроешь, но, если Шурик к убийству не причастен, пойдет нам навстречу, чтобы не мараться.

Особняк светлейшего князя

В таких домах, как этот – притаившийся за высоким забором рядом с Юнтоловским лесопарком трехэтажный особняк, – Антону Барсикову доводилось бывать всего два раза в жизни, и оба по работе. Сам он ютился в обычной пятиэтажке с видом на сталепрокатный завод, его друзья, преимущественно простые полицейские, жили в домах примерно такого же уровня, как и его дом, немногочисленные родственники – кто в хрущевке, кто в корабле. Так что в особняках Антон чувствовал себя неуютно. Вроде бы окружающие красота и комфорт – клумбы с цветами, ковры, зеркала, кожаные диваны, двери не ободранные, как в квартирах многих его подопечных, а лакированные с позолотой – должны радовать глаз и располагать к приятному настроению, но Антона роскошная обстановка напрягала. Все тут не так, чужая богатая жизнь, не привычная и не понятная. Например, сразу не скажешь, сколько в доме народа. А во дворе сколько? И кто кому кем приходится? Кем работает? Двое преградили Антону путь на входе: одетые на манер швейцаров в темные костюмы-тройки с пафосными бабочками и белыми перчатками крепкие парни. Таких во что ни одень, останутся бандитами. Одного из них Барсиков видел в картотеке. Костя-Фаянс, бывший автомобильный вымогатель, мастер дорожных инспектировок. В одной из подстав ему выбили передние зубы. На их место Костя вставил искусственные, ослепительно белого цвета, за что и получил кличку Фаянс. Костя зыркнул круглыми, как у рыбы-телескопа, глазами в служебное удостоверение Барсикова, поморщил загорелый лоб, коротко поговорил по мобильному и сообщил, что хозяина нет, а без него никого в дом впускать не велено.

«Начинается!» – раздраженно подумал Антон. Этак ни одного преступления не раскроешь, если ждать их величайшего дозволения.

Доходчиво объяснив охранникам, что он сюда пришел не милостыню просить, а расследовать убийство и лучше его впустить, Барсиков оказался в просторном дворе Меньшикова.

– По аллее направо, – пояснил ему Костя, как добраться до дома. – Вас проводят. – Он снова стал нажимать кнопки мобильного, без которого, казалось, не мог решить ни одного вопроса.

Через две минуты из-за зарослей сирени явился провожатый – крепкий пожилой мужчина с бакенбардами и большими садовыми ножницами.

– Вы, вероятно, садовник? – спросил Антон по дороге, представившись. Капитан решил не терять времени зря, познакомиться с прислугой не помешает. – Давно здесь работаете?

– Я не садовник, а дворецкий! – ответил мужчина. – И не работаю, а служу. На мне, если хотите знать, весь двор держится. Я тут за порядком слежу. Главный, так сказать, по территории. Позвольте представиться, Павел Николаевич Петрищев. Потомственный дворецкий, он же дворник! – произнес он с достоинством.

– Если вы главный, то, вероятно, знаете, кто находился на территории особняка двенадцатого мая, кто уходил-приходил в тот день и на сколько.

– Ну так, это как дважды два. У нас все зафиксировано. Тута оно все, – с гордостью показал старик рукой на куполообразную видеокамеру на столбе.

Антон и сам заметил видеокамеры. Он подумал, что если Меньшиков причастен к убийству Земсковой, то искать в видеоархиве информацию бесполезно.

– Мы с вами еще поговорим, – пообещал Барсиков на крыльце дома с большими витражными дверями.

На входе его уже ждала белокурая полноватая девушка в коричневом платье и накрахмаленном белом переднике; униформа делала ее похожей на выпускницу школы.

– Добрый день! Анна Борисовна сейчас плавает в бассейне. Пройдемте в гостиную, там вы сможете ее подождать.

Все это она сказала с приветливой улыбкой. На миловидном личике горничной не было и тени печали, словно ее коллега Земскова не погибла вовсе, а ушла в отпуск. А может, ей об этом неизвестно? – засомневался Антон. Да нет, подобные вести в рабочем коллективе распространяются быстро.

Гостиная, куда его привела девушка в переднике, поразила изобилием роскоши и безвкусицей. Казалось, хозяева преследовали цель выставить напоказ свою состоятельность: тут были и картины в тяжелых золоченых рамах, и громадная люстра с хрустальными подвесками, и помпезный камин, и парчовые шторы с вычурными кистями, и деревянный стол с фигурными ножками и небрежно оставленной на нем какой-то старой книгой. Усевшись на дорогой диван и вытянув ноги на лохматом ковре с кабаньей мордой, Антон подумал, что, пожалуй, тут неплохо. Вот бы еще чай предложили.

Словно прочитав его мысли, тихо, как тень, из недр дома явилась одетая в такой же белый передник, но на клетчатое платье дама на вид слегка за шестьдесят с убранными в высокую прическу волосами благородного коньячного оттенка. На ее усыпанном возрастными морщинами лице угадывались следы былой красоты. Взглядом из-под аккуратно подкрашенных ресниц она отпустила девушку, затем с надменной улыбкой поинтересовалась у Антона, что тот изволит выпить. Горничная держалась госпожой, и, если бы не униформа, Барсиков принял бы ее за хозяйку дома.

– Мне бы чайку, – пробормотал оперативник, тушуясь. Дама исчезла. Барсиков разозлился сам на себя за внезапно набежавшую робость. В детстве он боялся администраторш в регистратуре поликлиники, автобусных контролеров, продавщиц, школьных техничек, уборщиц – женщин, во власти которых преградить путь или прикрикнуть. Эта дама смотрела на него, как в его детстве на него смотрели продавщицы бытовой техники, когда он туда заходил поглазеть на японские телевизоры: сверху вниз и с подозрением, что он что-нибудь сломает.

Чай женщина принесла отменный. Ароматный, с лимоном, в расписном чайнике из костяного фарфора, к чаю предложила свежайшие булочки с творожной начинкой.

– Я из полиции. Капитан Барсиков. У меня есть к вам несколько вопросов.

На это сообщение дама отреагировала спокойно, словно полицейские ежедневно навещались в особняк.

– Светлана Ивановна, – представилась горничная. – Вероятно, вы пришли по поводу Леночки.

– Да, по поводу Елены Земсковой. Вы ее хорошо знали?

– Как и всех, с кем работаю. Жаль бедняжку. Хорошая была девушка, старательная, но бесперспективная.

– Это как?

– А так, что ничего ей в жизни не светило. Девушка из провинции, из простой семьи. Ни к чему не стремилась, все интересы – дешевые курорты раз в год и покупка шмоток в торговом центре. Была бы хоть красавицей, а то внешность средненькая, с такой внешностью достойного мужа не найти. Вышла бы через пару лет за какого-нибудь слесаря и жила бы с ним на окраине. Что здесь полы мыла целыми днями, что на свою семью потом бы горбатилась. Молодая девка, а ходила в служанках. Что это за работа, подай-принеси?

– Вы ведь тоже не на генеральской должности, – заметил Антон.

– Вы правы, не на генеральской. Но я – совсем другое дело! Я жила ярко, насыщенно, интересно! В моей жизни было все: роскошь, светские приемы, путешествия, страсть! В свой юный март я сводила с ума кавалеров, в июне весь мир лежал у моих ног, еще в августе я была королевой. В сентябре потянуло холодом, потом я оказалась здесь. Сейчас уже ноябрь, – Светлана Ивановна величественно поправила прическу, – мой ноябрь. Не стоит судить по ноябрю обо всей жизни, молодой человек.

«А ведь тебе и поговорить не с кем, – подумал капитан, – живешь в окружении «недостойных», которые и в подметки тебе не годятся, не то что в собеседники, вот и вываливаешь первому встречному все, что накипело».

Закончив водные процедуры, явилась хозяйка дома. Раньше, чем она вошла в комнату, раздался ее нервный голос:

– Ну померла девка, ну земля ей пухом! А мы-то тут при чем? Зачем вы пришли в мой дом и отрываете меня от дел?

Лицо, вытянутое и прямое, гладкие волосы лежат на плечах тяжелой темной шалью. Ямочка на подбородке, приоткрытые, как у порнозвезды, чувственные губы. Нос крупный, глаза маленькие, чуть раскосые, но яркие, как угли. Женщина определенно была восточных кровей. Она смотрела с вызовом, словно собиралась прожечь в непрошеном госте отверстие.

– Светланиванна! Сходи, принеси и мне чаю, штоль, – велела она.

Личико заурядное, не интересное, и сама простенькая, как дворняга, но самоуверенная. На том и стоит, заключил Барсиков. Он хорошо знал этот тип женщин: амбициозные, хваткие, с огромным самомнением и, как следствие, хамоватые. Благодаря невероятно пробивному характеру они способны удивительным образом просочиться из глубинки в центр столицы. По головам пойдут, но своего добьются. Экспрессивные, с задатками артистизма, и часто кажется, что в них есть изюминка. Глядя на Хасю, можно подумать, что она яркая личность и чего-то стоит, раз так себя ценит и преподносит. Многие покупаются на эффектную подачу и даже долго пребывают под впечатлением, не в силах увидеть истинное положение вещей или не хотят, потому что очень трудно признаться самому себе, что не сразу распознал пустышку. Пустышка рано или поздно обнаруживается, ведь подавать себя в выигрышном свете мало, надо еще что-то из себя представлять.

Вон как Хася с горничной обращается. А лексикон, а говор! Достаточно одного ее «штоль», чтобы понять, где она росла. Барыней нарядилась, а манеры остались прежними – базарными. Светлана Ивановна, одетая в униформу прислуги, в качестве хозяйки дома смотрит куда органичнее.

Анна Меньшикова, она же Ханна – Ханума Иванская, она же Хася-Наливай. Все-таки Хася-Наливай тебе больше всего подходит. И кто тебе такое прозвище дал? Прямо в яблочко.

– Земскова не померла, как вы изволили выразиться, а погибла. Погибла в лесопарке, недалеко от своего места работы, то есть вашего особняка. В связи с чем у меня есть все основания подозревать всех, кто вхож в ваш дом и каким-либо образом с ней общался. В том числе и вас, уважаемая Анна Борисовна. Поэтому у меня к вам убедительная просьба – предоставить мне список лиц, находившихся в особняке двенадцатого мая.

– Ты че, капитан? Сам понял, че сказал? – Меньшиковой стало тесно в рамках вежливости, и она по-простецки перешла на «ты». – Ты предлагаешь, чтобы я строчила доносы на свое окружение? Нет, ну вы видели эту наглость?! А если я мужу пожалуюсь? Он же на вас адвокатов натравит, так что прикроют вашу лавочку и пойдешь ты, капитан, мести улицу, если возьмут!

Анна говорила с жаром, как торговка беляшами с Сенной площади, старающаяся втюхать покупателям свой сомнительный товар. С уверенностью в громком басовитом голосе она несла ахинею; Хася надрывала глотку, словно пыталась децибелами компенсировать отсутствие логики и подавить оппонента. Глаза женщины горели бесовским огнем, щеки покрылись румянцем, казалось, что она сама верит в то, что говорит.

– Закроют мою лавочку?! – гоготнул Барсиков. – То есть закроют МВД?! Очнись, Хася! Что ты городишь?! А вот твоего супруга, мелкого каталу Шурика Меньшова, ставшего вдруг бизнесменом Меньшиковым, если захотим, мы закрыть сможем. И ты это отлично знаешь. Так что заканчивай спектакль и будем говорить серьезно.

Хася в момент притихла. Она была хоть и хабалкой, но не душой. Во всяком случае, ей всегда хватало ума, чтобы вовремя прикусить язык и не выступать, иначе бы она сейчас не находилась в этом особняке в качестве супруги хозяина.

– Итак, мне нужно знать все, что происходило здесь двенадцатого мая, досье на всех служащих, и особенно на Земскову. Отдайте распоряжение охране, дворнику – кому хотите, но чтобы нужная мне информация у меня была. Сегодня же!

Хася с кислой миной взяла телефон.

– Виталик! Тут пришел мен... в общем, из органов. Нет! – рявкнула Хася и тут же, глядя на Барсикова, смягчилась. – Дай все, что ему надо.

Виталиком оказался subtilный белобрысый мужчина лет двадцати семи. Образ он имел неяркий, сливающийся с цветом стен. Вроде заходил человек, а какой он и во что был одет – сразу и не вспомнишь. Виталик без лишних слов распечатал для Антона список всех сотрудников, краткие досье на каждого и скинул сохраненные записи с видеокамер за десятое, одиннадцатое и двенадцатое мая.

Виталик не совершал лишних движений, отвечал на вопросы лаконично и быстро, ничем – ни своим поведением, ни видом, ни даже запахом – не мог вызвать ни малейшего раздражения, он создавал впечатление идеальной obsługi. Было удивительно, что Хася на него нарычала.

– Вы сами где были в день, когда погибла Земскова? – поинтересовался Барсиков.

– С одиннадцатого по шестнадцатое мая я был в краткосрочном отпуске за границей. Вот мой загранпаспорт, – Виталий вытащил из кармана документ и предъявил его раскрытым на нужной странице.

– Наготове, – не удержался от ехидства Антон. Он придирчиво рассмотрел отметки паспортного контроля международного пункта пропуска Брусничное: одиннадцатого мая выезд и шестнадцатого въезд.

– Я знал, что спросите.

– Знал... – усмехнулся Барсиков. Он еще раз изучающе взглянул на собеседника. Чем-то он ему не нравился. Слишком гладкий, зацепиться не за что, – думал Антон. И, похоже, из смежников – в ФСБ любят набирать таких обтекаемых. Только чего он тут торчит, этот Виталий Савельев? Решил уйти на вольные хлеба за длинным рублем? Или со службы поперли?

– Ладно. Отскочил пока, – вернул паспорт Барсиков и подумал, что нужно будет навести справки об этом типе.

Из досье и разговоров с людьми, работающими в особняке, Антон Барсиков выяснил, что Елена Земскова проработала в доме Меньшиковых без малого три года и попала к ним благодаря рекомендательному письму, полученному со своего последнего места работы – ресторанного дворика, где трудилась одновременно продавцом, официанткой и посудомойкой. Трудилась девушка прилежно, за что администратор заведения – бывший военный – написал ей отличную, но витиеватую характеристику, какие было принято писать в годы его молодости. Названия должности в документе не было, лишь прилагательные, дающие понять, какой Елена отличный работник. Так что, при умелой подаче, характеристика сошла за рекомендательное письмо, а печать с фамилией владельца сети ресторанов Корытина внушала уважение. Меньшикова не была лично знакома с Корытиным, поэтому звонить ему с целью проверки не стала. Она взяла на работу Земскову, полагаясь на свое чутье. Скромная, аккуратная, некурящая, в меру симпатичная. Неброская внешность Земсковой была ее плюсом – красавиц ревнивая Хася не терпела.

Позже уловка с рекомендательным письмом раскрылась. Про фальшивое рекомендательное письмо девушка проболталась своим товаркам. Глупо было бы полагать, что стены особняка сохраняют тайну – слухи очень быстро дошли до Хаси. Елена была старательной, неза-

метной, добросовестно выполняла обязанности, лишних вопросов не задавала, и хозяйка ей простила обман. Но в силу мелочного характера лишила премии.

Земскова работала три дня через три, часто ночевала в особняке из-за бесплатного стола. На выходных иногда уезжала на съемную квартиру, чтобы, как она говорила, «почувствовать себя человеком без униформы», потому что никем, кроме горничной, Елена на территории дома Меньшиковых себя не чувствовала. Здесь ей предоставили комнату, небольшую с двумя кроватями – для нее и для коллеги Татьяны, той пухлой девушки, которая встретила Барсикова у входа.

По словам Тани, Земскова была вполне милой и невредной, но скучной и поговорить с ней было не о чем, а поговорить Татьяна любила. Так что говорила в основном Татьяна, а ее соседка слушала.

«Очень некстати, лучше бы болтушкой оказалась Земскова», – подумал Барсиков.

– Ничего странного вы не заметили в ее поведении в последнее время? – спросил капитан.

– Да нет. С виду у нее все было нормально, хотя... В последнее время Ленка ожила, что ли. Сколько ее знаю, она вечно угрюмая ходила, будто бы кошелек потеряла. А тут недавно кисляк с ее лица исчез. Она даже улыбаться стала не только гостям и хозяевам, как у нас требуется, а просто так.

– Когда это произошло?

– Примерно месяц назад. Может, я не сразу заметила, мы ведь с Ленкой в разные смены работали и пересекались только при сдаче смены или в нашей комнате, когда она или я здесь оставались в свой выходной. Да! И еще... – вспомнила девушка. – Может, это чушь и к делу не относится...

– К делу относится все, – сказал Антон.

– У Ленки появился медальон. Не золотой, а даже не знаю... железный, что ли. Невзрачный, в виде веера с какими-то цветными камнями. Она его на простом шнурке под одеждой носила и никому не показывала. Я случайно увидела, когда Ленка переодевалась. Она показывать не хотела, стеснялась. Откуда взяла, спрашиваю. Она молчит. Понятное дело, раз в медальоне никакой красоты нет, а она его носит, то вещь для нее что-то значит. Мне интересно стало, думаю, жених у Ленки появился, подарил. Наверное, еще внутри его фотка была – ну, так полагается. Я стала выпытывать: и так спрошу, и этак. Ленка отмалчивалась, а потом не выдержала и сказала: обещаю сохранить это в тайне. Зуб даю, говорю. А она: это не простой медальон, а цыганский. Он границы между людьми стирает. Буду я его носить, и меня в любом обществе за свою принимать станут, будто бы я всем ровня – хоть олигарху, хоть английской королеве. Угу, говорю, нашла дурочку, сказки мне вздумала рассказывать. Так я тебе и поверила! А она мне: думаешь, я вру?! Да сама скоро увидишь, как я закручу роман с кем-нибудь из гостей Меньшикова и выйду за него замуж! Я только посмеялась – к Меньшикову ходят такие люди, которые на нас, на горничных, даже не смотрят, какие тут романы? А Ленка обиделась, говорит, вот Ариадна... Про Ариадну Лена не договорила – замолкла. Поняла, что глупость хотела брякнуть. Ариадна – это невеста Аркадия Меньшикова. Девушка не богатая – это по ней видно, – одевается красиво, но не в бренды. Она явно не круга Меньшиковых, но видная. У Ариадны такая осанка – ух! И фигура у нее классная. С такой фигурой и осанкой никаких брендов не надо, посмотришь на нее и сразу увидишь, что принцесса. Была бы у меня такая фигура, мне бы никаких богатств было не надо!

– У вас и так с фигурой порядок, – польстил Антон.

– Да бросьте, тоже скажете! – смущенно отмахнулась Татьяна.

– Двенадцатого числа вы Елену видели?

– Да, я как раз заступила в ночь, а у нее в девять вечера смена закончилась. Мы перекинулись парой слов. Ну как перекинулись? Я в тот день купила новую сумку от «Живанши», с большой скидкой взяла. Хотела ей показать, рассказать подробно, где и почему. Она раньше

спрашивала между прочим, где можно недорого купить хорошую сумку. А тут и слушать не стала, торопилась куда-то.

Куда торопилась Земскова, предстояло выяснить. В найденном среди ее вещей простеньком нетбуке на первый взгляд ничего интересного не обнаружилось: фотографии, картинки, игрушки...

Барсиков поблагодарил словоохотливую девушку и отправился с добытым материалом в управу. По дороге он обдумывал, кто и зачем мог убить горничную. Даже в спешке просмотренные записи с камер видеонаблюдения, установленных во дворе особняка, давали пищу для размышления. На видеозаписи хорошо было видно, как двенадцатого мая в двадцать два ноль пять Елена Земскова покинула особняк через запасные ворота. Спустя десять минут через те же ворота вышла Ариадна Металиди, в руках у девушки была спортивная сумка. Металиди вернулась в особняк через два с половиной часа с той же сумкой, Земскова в это время была уже мертва.

Логика подсказывала, что удобнее всех расправиться с Земсковой было Металиди. Незадолго до гибели Земсковой обе девушки почти одновременно покинули особняк, путь обеих лежал через лесопарк – другого пути от запасных ворот нет. В лесопарке одна из них погибла. Как свидетельствует заключение эксперта, незадолго до смерти лицо Земсковой было расцарапано кошкой. Известно, что Елена покидала особняк без царапин на лице, очевидно, что ее лицо пострадало в лесопарке. Вопрос: откуда в лесопарке взялась кошка? Во дворе дома Меньшикова живут несколько кошек, Антон их сам видел – две серые и одна рыжая. Могла ли Металиди, отправляясь вслед за Земсковой, прихватить с собой кошку? Судя по размерам сумки, кошка туда вполне поместилась бы. Вот только зачем? Для того чтобы убить Земскову столь экстравагантным способом? И для чего ее убивать?

Ариадну Металиди на допрос не вызвать, она покинула страну утром тринадцатого мая – спустя несколько часов после смерти Елены. Случайно ли она так быстро уехала? Что их связывало, таких разных: горничную и невесту сына хозяина особняка; девушку с девятью классами образования и выпускницу университета технологии и дизайна; наконец, простушку с посредственной внешностью и эффектную барышню с точеной фигурой? И связывало ли их что-либо вообще? Определенно с Металиди поговорить следовало. Она если не причастна к убийству, то, вполне возможно, может оказаться его свидетелем.

Лодейное Поле

Когда мать Земсковой приезжала за телом дочери, толком допросить ее не удалось. Сухопарая, с мелкими, печальными чертами преждевременного состарившегося лица, молчаливая и суровая, Земскова-старшая все время находилась одна. Никто из родни и знакомых не приехал вместе с ней. Юлия Алексеевна отвечала на вопросы скупно, нервно наматывая на палец прядь длинных волос цвета «соль с перцем». Казалось, расследование ее совершенно не интересовало, скорее оно ее раздражало. Подписывала бумаги, не глядя, и как будто куда-то торопилась. Как потом выяснилось, Земскова действительно торопилась на электричку. Из экономии женщина не стала останавливаться в гостинице. Хотела остановиться в комнате, которую снимала Елена, но ушла хозяйка ей отказала. Первую ночь она скоротала у одноклассницы на окраине Петербурга. Одноклассница Юлию Алексеевну почти не помнила, ее просьба была совсем некстати, но раз та свалилась как снег на голову с таким горем, отказать не решилась. Постелили гостю на кухонном полу, а больше в крохотной однушке было негде. Всю ночь тархтел холодильник, включаясь и выключаясь с внезапными громкими звуками. Добавлял беспокойства и муж хозяйки дома: полный немолодой мужчина, он тяжелой поступью шумно ходил в туалет и, ничуть не стесняясь гостю, издавал там характерные звуки. Совершенно не

выспавшаяся Земскова решила больше по людям не скитаться и ночевать дома, в Лодейном Поле, – ехать далеко, зато спать в своей постели.

Чтобы обстоятельно побеседовать с матерью погибшей, Небесов отправился в Лодейное Поле. Небольшой, с пыльными прямыми, словно начерченными по линейке, улицами город приютился на окраине Ленинградской области. Хоть Михаил и был родом из небольшого провинциального городка, его удивил удручающий вид Лодейного Поля. За полтора десятка лет, прожитых в Северной столице, глаз оперативника привык к красивым фасадам и широким проспектам и никак не желал воспринимать неприглядные дома областного города – забыл, что и такие тоже существуют. А они вообще в большинстве своем такие, нестоличные города, где соседствуют одноэтажные деревянные хибарки с нагроможденными на скорую руку высокими новостройками, где дороги в огромных до неприличия ямах, где основное здание – это торгово-развлекательный центр, где на газонах – стихийные парковки; клумб нет, а о фонтанах даже не мечтают. Там по старинке на улице сушат белье, балконы застекляют кто чем может, так, что со стороны они напоминают скворечники. Корявые тротуары, заставленные автотранспортом, по ним с мрачными лицами бродят жители, одетые преимущественно в удобные тренировочные штаны. Унылые виды периферии угнетают, и хочется скорее вернуться к себе, в мегаполис, и радоваться своей маленькой квартирке в спальном районе.

На одной из таких прямых пыльных улиц с красноречивым названием Рабоче-Крестьянская проживала Юлия Алексеевна Земскова. Разговор предстоял тяжелый, как любой разговор с родственниками погибших. Михаил, желая немного оттянуть визит, прошелся по центру, чтобы заодно и перекусить. Автобусная остановка, несколько магазинов, площадь, памятник вождю революции перед зданием с флагом – администрацией, аллея с портретами на Доске почета и лозунг «Слава труду!». Если бы не рекламные вывески, Мише показалось бы, что он попал в прошлое. На противоположной стороне площади он заметил кафе, а это было как раз то, что нужно. Проходя мимо Доски почета, Михаил по привычке опера скользил по ней взглядом, словно среди заслуженных людей мог узреть преступника.

Довольно сносно перекусив в неожиданно приятном кафе, Небесов отправился на Рабоче-Крестьянскую улицу. До нужного восьмого дома он добрался быстро: в маленьких городах все рядом – это одно из немногих их преимуществ перед мегаполисами. Ветхого вида трехэтажный дом на два подъезда, назвать которые парадными язык не поворачивается. Запах сырости и кошек, закопченные с трещинами окна, кое-где фанера вместо стекла, на потолке следы от сгоревших спичек, сломанные почтовые ящики, надписи на стенах. На втором этаже три квартиры, одна из которых – шестая квартира Земсковых. Обивка двери, потрепанная, с выцарапанной в полуметре от пола надписью «Ленка дура», кричала о том, что ее не меняли сто тысяч лет. Теперь уже и нет на свете Ленки, а надпись осталась.

Трель звонка, поворот замка «две сопля», в полумраке вытянутого коридора женщина со следами безрадостно прожитых лет на немолодом лице.

– Это вы? – Она равнодушно скользнула взглядом по раскрытому удостоверению Небесова. – Меня предупреждали, что приедут по поводу Лены. Сказали, чтобы я из дома не уходила. Да куда тут ходить? За продуктами на угол и назад – все мои хождения. Вот еще в Петербург недавно моталась за дочкой и к вам, в кутузку. Ведь все уже вашим рассказала, больше мне добавить нечего. Ну проходите, раз приехали, – обреченно вздохнула женщина. – Да не разувайтесь! Все равно убираться, – она жестом пригласила в комнату. Поплывшая сутулая фигура, облаченная в трикотажный балахон, пошлепала разношенными тапками.

Небесов последовал за хозяйкой дома, разглядывая небогатую обстановку. Судя по засаленным, несовременным обоям и трещинам на потолке, ремонта здесь не было очень давно.

В захлавленной комнате Земскова усадила гостя на единственный стул, сама присела на подранное кресло со скрученным в валик пледом и подушкой вместо спинки.

– Вы не смотрите, что я траура не ношу. У меня такая жизнь, что если добавить в нее еще и траур, то в пору самой в гроб ложиться. А дочь я потеряла уже давно, с той поры, когда она из дома уехала. Поначалу несколько раз приезжала за вещами, а потом все. Обходилась редкими звонками для галочки, даже с днем рождения меня не всегда поздравляла – забывала. Я понимаю, в нашей глуши ей делать нечего. У нас только один кирпичный завод работает, а все остальное – торговля. Наш завод уже когда-то останавливался, думали, что насовсем, ан нет, очухался и снова зафурычил. Я сама на заводе почти тридцать лет оттрубила, сначала простым оператором, потом мастером цеха. Ничего, кроме гипертонии, не нажила и Ленке не пожелала бы подобной доли. Все понимаю, но обидно и несправедливо выходит! Растила ее, из последних сил надрывалась, чтобы одеть-обуть ее, а она взяла да и упорхнула. Я для нее как грядка получаюсь, все соки из меня выпила, а взамен ничего. Я еще в душе продолжала надеяться, что дочь устроится в Петербурге и меня к себе заберет. А теперь, со смертью Леночки, надежды рухнули. Теперь в моей жизни наступила пустота – окончательная и бесповоротная, – женщина всхлипнула, утерла покрасневший нос скомканным серым платком, затем показала в сторону картонных коробок, накрытых клеенкой. – Видите, как я живу? Я никогда, никогда не выберусь из нищеты! Так и подохну в этой дыре, никому не нужная и не интересная. А ведь мне нет еще и пятидесяти лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.